

КИФА

МИТРОПОЛИТ МИНСКИЙ И СЛУЦКИЙ ФИЛАРЕТ: МЕЖПРАВОСЛАВНЫЙ ДИАЛОГ ОСТАЕТСЯ НАШЕЙ ПЕРВОЙ ЗАДАЧЕЙ

"Кифа": Владыка, вопрос о митрополите Никодиме: что из его наследия сейчас воспринято в нашей современной церковной практике, а что еще нет?

Митрополит Филарет: Я думаю, что всеми нами, его учениками, воспринято благоговейное отношение к службе Божьей. Он в нас воспитал любовь к богослужению, он его любил, и чувствовалось, что он душой отдыхал во время богослужения. Потому что жизнь-то суетная была, у него было много забот, треволнений; да и у нас теперь немало их, и мы всегда стремимся в храм Божий, потому что в храме Божьем молитва, общение с верующими и, естественно, в храме присутствует благодать Божья. Сам Спаситель сказал: "Дом Мой — Дом молитвы". А молитва, конечно, приносит успокоение в душе, молитва укрепляет нас и физически, потому что она низводит благодать — Силу Божью. Это я подчерки-

вал и в своих кратких воспоминаниях о владыке: именно его любовь к богослужению, к молитве, к общению за богослужением. Как бы ни был он утомлен, как бы мало времени не оставалось для богослужения, он стремился в храм застать богослужение и помолиться.

То же самое — его любовь к духовным школам. Это он в нас вселил. Он нас из школы еще совсем молодых призвал на служение, поручал ответственные послушания. Он всегда сам проводил вступительные экзамены и всматривался в людей, которые приходили, он в процессе учебы посещал лекции и даже — уже под конец своей жизни — он сам читал историю Русской православной церкви в новейший период. Да, должен вспомнить, что по его инициативе происходила первая если не реформа, то первые заседания в Учебном комитете по проверке, пересмотру и со-

гласованию программ разных предметов. Тогда председателем Учебного комитета был святейший патриарх, но и митрополит Никодим как старший член Синода принимал в этом самое живое участие.

Ну и потом — им была проведена большая богословская работа по подготовке списка вопросов на всеправославное совещание. Тогда было выработано 112 вопросов. Каждая церковь должна была дать по ним ответ. И вот наша церковь, одна из первых, а может быть и единственная, я так подозреваю, дала ответы — свое видение всех этих 112 проблем. Потом список этих вопросов, конечно, сократился, сейчас вообще осталось сначала, кажется десять, а потом всего четыре вопроса, по которым мы должны встретиться и с которых должны начаться серьезные межправославные отношения: это вопрос диаспоры, вопрос автокефалии, автономии, диптихов. Вот по этим вопросам мы с Греческой церковью никак не можем сойти с мертвой точки.

"Кифа": То есть, это еще остается как задача?

Митрополит Филарет: Это задача, и первая, собственно, задача. Мы надеемся, что что-то изменится и мы вновь вернемся к тем межправославным конференциям, которые были.

"Кифа": И здесь как раз то, что сделал владыка Никодим — это отправная точка?

Митрополит Филарет: Все заложено, все сделано, только начать, подключиться к этому, так что его роль в современной истории нашей церкви действительно огромна.

"Кифа": В этом году так совпало, что 5 сентября было двадцатипятилетие кончины митрополита Никодима, а 4-го исполнилось 110 лет протопресвитеру Николаю Афанасьеву. Может быть, что-то знаменательное есть в этом?

Митрополит Филарет: Мы должны во всем искать полезное для своего обучения, для своего совершенствования и укрепления своей веры в Бога и доверия Церкви, доверия тому преданию, которое сохранили для нас такие люди, как о. Николай Афанасьев. И я знаю своих отцов, которые меня воспитали, которые передали мне наравне с владыкой Никодимом предание нашей церкви — богослужбное, литургическое, гомилетическое. Все, что делал владыка Никодим, было прекрасно.

Беседовал Александр БУРОВ
Интервью дано 5 сентября 2003 г.
у могилы митрополита Никодима
(Ротова) на Богословском кладбище
Александров-Невской Лавры
в Санкт-Петербурге

9 (12)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СЕНТЯБРЬ СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ
2003

В газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

АНОНС:

Объединится ли РПЦ
с РПЦЗ?

Комментарии представи-
телей различных юрис-
дикций

(Стр. 2)

Что нужно для
диалога в церкви?

В Москве
прошла между-
народная науч-
но-богословская
конференция
«Вера — диалог —
общение»

(Стр. 3, 6-7, 12)

Мы нужны друг
другу

Встреча с Жаном
Ванье

(Стр. 4)

Богословское
образование для
женщин

столетия назад вошло
в практику право-
славной церкви

(Стр. 8)

Христианская
педагогика

— это прежде всего
вопрошающий
педагог

(Стр. 9)

Двадцать пять лет
спустя

Юрий Рубан воспомина-
ет о беседах с митро-
политом Никодимом
(Ротовым)

(Стр. 10-11)

Из-под асфальта
прорастает трава

Интервью с участ-
никами конферен-
ции по диалогу

(Стр. 12)

СОБЫТИЕ

24 сентября в здании российского консульства в Нью-Йорке состоялась встреча президента Путина с руководителем РПЦЗ. В ней приняли участие первоиерарх этой церкви митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Лавр, архиепископ Берлинско-

Германский и Великобританский Марк, епископы Кирилл и Гавриил. Российского президента сопровождал архимандрит Тихон (Шевкунов), наместник московского Сретенского ставропигиального мужского монастыря. Основная часть встречи проходила за закрытыми дверями.

Мы предлагаем вниманию читателей три комментария, представляющих взгляд на событие с разных сторон: со стороны официального Министерства иностранных дел РПЦ – Отдела внешних церковных связей; со стороны одного из представителей епископата РПЦЗ; и, наконец, со стороны неофициального представителя "непримиримой" по отношению к Московской патриархии части "зарубежников", находящихся в России.

Русская православная церковь за рубежом, иногда называемая "карловацкой", отделилась от РПЦ в 20-е годы (окончательное разделение произошло после декларации митрополита Сергия в 1927 г.), прежде всего по политическим причинам. Она представляет собой одну из частей русской православной эмиграции, ныне не состоящую в каноническом общении ни с приходами Московской патриархии, ни с приходами Западно-Европейского Экзархата (находящимися в юрисдикции Константинопольского патриархата).

В 2001 г. в РПЦЗ произошел раскол между сторонниками отстраненного от должности митрополита Виталия (Устинова) и нынешнего первоиерарха РПЦЗ митрополита Лавра (Шкурлы). Первые продолжают придерживаться непримиримой по отношению к РПЦ политики, вторые склонны к диалогу. Большинству представителей зарубежной церкви свойственна крайне консервативная позиция, жесткая приверженность к "синодальным" традициям.

Одно из действующих лиц комментария архим. Тихон (Шевкунов) известен постоянными попытками объединить русских националистов. Является одним из главных инициаторов гонений на Сретенско-Преображенское братство. Духовник некоторых ветеранов КГБ, в частности, бывшего начальника информационной службы КГБ генерала Николая Леонова (под началом которого в свое время работал В.В. Путин).

КОММЕНТАРИИ

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, Председатель Отдела внешних церковных связей МП:

В течение многих лет Святейший патриарх, Священный синод, а также архиерейские соборы неоднократно обращались к Русской зарубежной церкви с призывом вступить в диалог без предварительных условий. Нам чаще всего просто не отвечали. Мы постоянно заявляли о том, что сегодня у нас нет никаких причин — ни человеческих, ни политических, ни богословских — чтобы не идти навстречу нашим русским зарубежным братьям. Мы всегда были это готовы делать. С той стороны ответа не было. Во время своего прошлого визита в Соединенные Штаты В. В. Путин встретился на приеме в русском посольстве с представителями Русской зарубежной церкви и пригласил их в Москву. Приглашение не было принято.

После этого произошли большие перемены. Как вы знаете, митрополит Виталий ушел в отставку, пришел владыка Лавр, человек с добрым отношением к Русской церкви, более открытый, и когда планировался визит Владимира Владимировича в Соединенные Штаты, то возникла мысль о том, чтобы продолжить тот разговор, который был начат во время предыдущего визита. Состоялась встреча, Владимир Владимирович передал владыке Лавру приглашение Святейшего патриарха посетить Москву, владыка Лавр принял это приглашение. Вероятно, он приедет к нам в январе месяце, если все будет благополучно.

Ну, а дальше начнутся собственно деловые переговоры. Есть какие-то вопросы, которые необходимо решить. Пото-

му что если здесь у нас в России какое-то романтически-отвлеченное отношение к теме русской зарубежной церкви, то для тех четырехсот приходов Московского патриархата, которые там бок о бок живут, это не отвлеченная тема. Это каждодневная проблема. Я даже скажу вам, что сейчас идет несколько судебных процессов между нашими приходами и зарубежными. Это реальная боль, это вопросы собственности, имущества, это и другие вопросы. Поэтому нам нужно будет деликатно все это привести в соприкосновение, чтобы, конечно, продвинуть вопрос объединения, но, с другой стороны, не привести к новым разделениям внутри Русской церкви.

9 октября 2003 г. Конференция «Служение церкви в современном мире».

Епископ Сан-Францисский и Западно-Американский Кирилл (РПЦЗ):

«Благовестник» (Сан-Франциско): Ваше Преосвященство, кто был инициатором встречи Высокопреосвященнейшего митрополита Лавра и членов Архиерейского Синода с Президентом России В.В. Путиным?

— В сентябре месяце с.г. на заседание Архиерейского Синода прибыл настоятель ставропигиального Сретенского монастыря в Москве, архимандрит Тихон. Сретенский монастырь — издательский центр Православной Церкви в России. Отец Тихон хорошо знает и о внутренней жизни Московского Патриархата, и о жизни Русской Зарубежной Церкви. Он был участником двух Церковно-исторических конференций, проведенных в 2001 и 2002 годах. На заседании Архиерейского Синода отец Тихон передал архипастырям пожелание Президента России В.В. Путина встретиться с иерархией Русской Православной Церкви за рубежом.

«Благовестник» (Сан-Франциско): О чем вы беседовали с Президентом Путиным и какое у вас осталось впечатление от встречи с ним?

— Президент говорил главным образом о России, о том, что она нуждается в примирении. Но процесс примирения не может иметь место, если Церковь в России не примиренная. Для этого не-

обходимо, чтобы две части Русской Церкви, в России и за ее пределами, примирились. В моем понимании, и это меня очень утешает, Президент ставит Церковь в центр примирения, в центр возрождения и исцеления России. Впервые после революции возглавитель России-Советского Союза выразил такую православную мысль.

«Благовестник» (Сан-Франциско): Владыка, как Вы предполагаете будут развиваться последующие события?

— Сейчас наше главное внимание сосредоточено на предстоящих Всезарубежном совещании духовенства и Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви за рубежом. Совещание будет проходить в Наяке (близ Нью-Йорка) с 8 по 12 декабря с.г. Это не будет обычным пастырским совещанием, а Всезарубежным, с представителями от всех епархий нашей Церкви. Главная тема Всезарубежного совещания: "Путь Русской Православной Церкви за рубежом в прошлом и будущем". Будут приглашены докладчики в священном сане и из России. Они будут говорить о Новомучениках Российских, о церковной жизни в России и об экуменизме.

Еще предполагается, что до Всезарубежного съезда духовенства и предстоя-

щего Архиерейского Собора состоится поездка делегации из трех архиереев нашей Церкви в Россию для личной встречи с Патриархом Алексеем. Главная цель встречи — лицом к лицу, без посредников, выяснить наше отношение к ряду вопросов и выслушать мнение самого Патриарха. О результатах этой встречи будет доложено участникам Всезарубежного съезда духовенства и Архиерейскому Собору.

«Благовестник» (Сан-Франциско): Не считаете ли Вы, что некоторые могут быть смущены такой встречей?

— Есть периоды, когда мы должны избегать встречи, а есть время, когда мы обязаны иметь подобные встречи. Раньше я боялся общения, даже хотел изолированности, но, как мне кажется, и перемены в России, и пастырская забота о спасении душ, и чьи-то молитвы изменили мой взгляд.

При реальной встрече с людьми картина меняется. Мы больше не можем ограничиваться мнениями других людей, интернетовскими заявлениями, взглядом издали, а должны сами соприкоснуться к церковному телу в России, к ее жизни — как к положительным, так и к отрицательным ее сторонам.

«Благовестник» № 193, Сан-Франциско

Александр Солдатов, редактор интернет-портала Credo.ru и органа РПАЦ «Вертоград»

Встречу с президентом Путиным РПЦЗ(Л) считает своей крупной победой на пути "воссоединения". Хотя, скорее всего, инициатива этой встречи исходила от российской стороны. Садясь во главе "круглого стола" духовенства, приехавшего на встречу с президентом, Путин произнес знаменательные слова, которые в прежние времена очень насторожили бы "зарубежников": "Россия потихоньку возвращается в семью цивилизованных наций. Но думаю, что и для РПЦЗ это тоже имеет определенный смысл, потому что нет большего блага для Церкви, чем служение Родине". Встав в это предложение эпитет "социалистической" перед словом "Родина" — и получается пропагандистское клише Московской патриархии 1940 - 1980 гг. Но нынешнее руководство РПЦЗ принимает это высказывание российского президента на "ура".

Еще президент напомнил иерархам Зарубежной церкви, что их приходы разбросаны по всему миру. В этой фразе, произнесенной в контексте "служения родине", нужно усмотреть намек на имущество царской России, которое сейчас принадлежит РПЦЗ и которое неплохо

бы вернуть родине.

Что же заставляет руководство "зарубежников" идти на объединение (фактически — на подчинение) со столь долго обличавшейся ими "продажной" Московской патриархией? Казалось бы, живите себе самостоятельно за границей: имущества много, храмы еще от царской России остались, число прихожан только прибывает — поток "мозгов" из России на Запад пока не иссякает... Вот, собственно, последнее обстоятельство, то есть новые прихожане новой "волны" (какая она там — третья, четвертая, пятая?) русской эмиграции, и является решающим в этом деле. В основном это люди средних лет или молодежь, которые до выезда за границу в церковь либо вообще не ходили, либо стали ходить туда недавно. Вопросами церковной истории XX века, "неправды сергианства", канонами и догматами веры эти люди, в массе своей, мало интересуются. Для них храм — это русский клуб "на чужбине", а вера — в лучшем случае, способ решения моральных и психологических проблем. Никакого смысла в разделении с Московской патриархией — в храмы

которой, быть может, ходили до выезда и они сами — эти люди не видят. Более того, единство с РПЦ для них — это единство с родиной. В тех местах, где есть возможность выбора церковной юрисдикции, РПЦЗ или РПЦ, такие новые эмигранты, как правило, начинают ходить в храм Московской патриархии. Отсюда — гигантский скачок числа зарубежных приходов РПЦ за последние несколько лет.

В общем, если "зарубежные" иерархи не хотят вконец растерять паству (а вместе с ней — имущество и средства к существованию), то им придется "воссоединиться". Причем РПЦ дает понять, что времени на "добровольное воссоединение" остается все меньше. Ведь в случае чего имущество можно и силой отобрать — как это было убедительно продемонстрировано в Хевроне и Иерихоне (Палестина), Баре (Италия), Оттаве (Канада), не говоря о российских приходах РПЦЗ. Руководство "зарубежников" почти зажатое в угол. Так что это еще большая честь, что с ним встречается российский президент...

"Московские новости", 30 сентября 2003

В МОСКВЕ ПРОШЛА МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ВЕРА – ДИАЛОГ – ОБЩЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА В ЦЕРКВИ"

Это тринадцатая из традиционных конференций Свято-Филаретовского института, в последние годы проводящихся совместно с журналом "Вестник РХД" и Институтом человека РАН

Круглый стол по проблемам миссии и катехизации

В течение трех дней, с 24 по 26 сентября, в Институте философии РАН и Свято-Филаретовском институте богословы и светские ученые из разных стран приняли участие в глубоком, живом и непосредственном обсуждении самых разных сторон проблемы диалога — одной из наиболее насущных и болезненных проблем в жизни церкви и современного общества.

Первый день конференции был почти целиком посвящен пленарному заседанию, где прозвучали доклады Никиты Струве, священника Георгия Кочеткова, Давида Гзгзяна, Сергея Юрского, протопресвитера Виталия Борового, протоиерея Павла Адельгейма. Многие тезисы докладов звучали тревожно (вплоть до печальных констатаций — "диалог то ли исчезает, то ли исчез, то ли умер"). Однако, несмотря на это, общая атмосфера обсуждения была светлой, радостной, и, по признанию многих (особенно тех, кто приехал издалека — а уже в первый день в качестве участников конференции зарегистрировалось почти 500 мирян и священников из 22 городов и 7 стран) удивительно вдохновляющей.

"Откровение не есть монолог; оно — диалог, живая беседа между Богом и человеком". Напомнив собравшимся эти слова Евгения Трубецкого, один из соучредителей конференции, главный редактор журнала "Вестник РХД" Никита Струве в своем докладе, посвященном богословским и нравственным предпосылкам диалога в церкви, подчеркнул различие между двумя образами понимания категории истины. По его словам, при отказе от диалога истина воспринимается не как путь и жизнь, а как нечто, чем обладают, как свод застывших канонов и законов. При таком понимании даже патристическая становится некой "православной аналогией" католического догмата о непогрешимости, тогда как патристическая — "это напряженнейший диалог". Докладчик подробно остановился на "симфоничности", "неуниисонности" истины, а также на той ее диалогичной, соборной природе, понимание которой сохранилось, по крайней мере на уровне понятия, в православном предании. В зак-

Круглый стол журналистов. Александр Кырлежев («Религия и СМИ»), Евгений Стрельчик («Вечерняя Москва»), Дмитрий Власов («Благовест-инфо»)

лучении доклада Никита Струве кратко коснулся судьбы "евлогийанской" и "карловацкой" ветвей православной русской эмиграции в их отношении к диалогу.

Ректор Свято-Филаретовского института свящ. Георгий Кочетков предложил слушателям "Беглые размышления о вере, диалоге и общении и о некоторых проблемах диалога в церкви". Кратко коснувшись исторического контекста проблемы, он призвал участников конференции рассмотреть ее с самых разных позиций — от диалога в семье, в общине, в братстве до диалога между церквями. Среди многочисленных тезисов доклада внимание собравшихся привлекла мысль о необходимости выявления внутренней диалогичности и динамики православного богослужения, ныне неявной. Докладчик упомянул также о необходимости преодоления противоречий между поколениями, между людьми разных культурных и национальных традиций. Реальным путем такого преодоления, как свидетельствует опыт Сретенско-Преображенского братства, является возрождение общинности в православной церкви, связанное с возрождением и опыта общения, и навыка диалога. "Если мы молчим о необходимости диалога и общения, то готовим почву для новых и новых расколов," — подчеркнул о. Георгий.

Следующий доклад — "Общение как основа церковного вероучения" — был посвящен вопросу общения в контексте богословского и философского наследия от каппадокийцев до прот. Николая Афанасьева. Обратившись к только что вышедшей из печати книге о. Николая "Церковные соборы и их происхождение", зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ Давид Гзгзян напомнил, что изначально в церкви собор есть не представительское учреждение, но некое усилие общения и проиллюстрировал угасание этой функции соборов в истории на известных примерах. Подлинный прорыв каппадокийцев, по мнению докладчика, состоял не в создании отточенных формулировок, но в выразившейся в разных формулах и формах актуализации мистического опыта видения Троицы как внутрибожественного общения.

В своем ярком выступлении Сергей Юрский признался, что он высоко ценит Свято-Филаретовский институт и всех, кто связан с ним, за открытость к общению и диалогу с современной культурой. Именно поэтому он обратился к проблемам диалога в существующем ныне культурном сообществе. "Сейчас наступила эра информатики. Но обмен информацией — это не диалог," — сказал он. Несколько ностальгически докладчик вспомнил о "кухнях" 60-70-х годов. Это было место, где по его выражению, "истина передавалась лично, из рук в руки". Процесс исчезновения, "умирания" диалога, в том числе и в театре, начался не вчера: уже в конце XIX века на смену диалогическому искусству Островского, Достоевского, Толстого, Тургенева, Ибсена пришел Чехов, в чьих пьесах персонажи не слышат друг друга. Сейчас этот процесс дошел до своего логического завершения: часто из сотен представленных на конкурсы пьес с трудом можно отобрать десяток достойных обсуждений не из-за отсутствия у авторов таланта, а в результате отсутствия в их произведениях диалога как такового. Закончил свое выступление Сергей Юрский словами: "Я пришел сюда, потому что со многими людьми, кото-

рые здесь, я связываю свои надежды".

Профессор-протопресвитер Виталий Боровой обратился в своем выступлении к личным воспоминаниям. "Когда я вернулся из-за границы двадцать лет назад, я думал, что в церкви начнется обсуждение — как обновить церковь," — сказал он, вспомнив и об общении с представителями русской эмиграции, и о том, как его друзья на Западе советовали писать как можно больше о богословском наследии русского религиозного возрождения. Именно тогда о. Виталий решил исследовать вопрос: "А что думали те, кто остался в России?". Среди архивных материалов после многолетних трудов он обнаружил планы создания "Всемирного союза возрождения христианства" (авторы документа мученически погибли в советских лагерях, и он долгое время оставался неизвестным). Обратившись к насущным задачам сегодняшнего дня, прежде всего христианизации постсоветской России, о. Виталий упомянул о проблемах, препятствующих миссии церкви в современном мире — непонятности богослужебного языка, закрытости христиан, их неспособности объяснить православное предание на новом, понятном языке. Он также призвал хранить церковное единство при любом различии богословских мнений.

Закончил пленарное заседание доклад протоиерея Павла Адельгейма "Перспективы диалога в РПЦ", посвященный прежде всего проблеме возрождения соборности в церкви на самых разных ее уровнях. В разностороннем и содержательном исследовании затрагивался широкий спектр вопросов — от онтологии церковного единства до несоответствия ныне существующего Устава нормам церковной жизни и от канонического места мирян в церкви до различия между единством и унификацией.

Круглый стол "Проблемы церковной жизни: что нужно для диалога в церкви" (ведущий — свящ. Георгий Кочетков) вызвал искренний интерес не только у его непосредственных участников, но и у сотен собравшихся в зале участников и гостей конференции. Оживленный обмен разными мнениями стал замечательной иллюстрацией к тому, каким должен быть подлинный диалог — та "симфония", не превращающаяся в "унисон", о которой говорилось в начале состоявшегося заседания.

В течение второго дня на трех секциях — Церковно-исторической, богословской и философско-культурологической — прозвучали доклады, ставящие проблему в исторический, богословский и философский контекст. Многие из этих размышлений сами представляли собой тот разговор с православным преданием, культурной традицией, наследием истории, в котором только и возможен подлинный плод научного исследования.

Вечером того же дня в Свято-Филаретовском институте прошел круглый стол журналистов, посвященный месту СМИ во внутрицерковном диалоге. Круглый стол закончился презентацией газеты "Кифа".

Последний день работы конференции начался с круглого стола "Миссия и катехизация как начало диалога в церкви". Главной темой разговора стала цель того диалога, который происходит между катехизатором и оглашаемым. Свидетельством его подлинности, по подтвержденному многолетним опытом общему мнению участников круглого стола, можно считать осозна-

Доклад проф.-протопр. Виталия Борового

ние оглашаемым наличия "болезненных нарывов" в своей душе и "вскрытие" этих нарывов. Если этого не происходит, оглашение проходит не на нужной глубине, а как бы "по касательной". Ведущий круглого стола священник Георгий Кочетков призвал не забывать при этом, что "скальпель" находится в руках Божьих, а катехизатор может лишь помочь действию благодати. Он также заметил, что и обращение, и воцерковление, особенно в настоящее время, представляют собой не столько акт, сколько длительный, иногда многолетний, процесс.

На заключительном пленарном заседании прозвучали доклады Ренаты Гальцевой, Ольги Седаковой, Анны Шмаиной-Великановой, а также размышления участвовавших в конференции священнослужителей о диалоге между человеком и Богом в молитве, о современном диалоге между приходом и общиной, а также о диалоге поместных православных церквей.

Докладчики неоднократно обращались к образу и опыту митрополита Суздальского Антония (Блума), а один из докладов был полностью посвящен пониманию встречи в его богословии. Поэтому естественным завершением конференции стало общее пение "Вечной памяти" почившему владыке.

После заключительного слова Никиты Струве состоялась презентация изданий Свято-Филаретовского института, среди которых — новые сборники материалов предыдущих конференций, переводы богослужебных последований на русский язык, а также никогда прежде не издававшаяся на русском языке книга Павла Евдокимова "Этапы духовной жизни" и впервые изданный капитальный труд протопр. Николая Афанасьева "Церковные соборы и их происхождение".

Продолжение темы — на стр. 6-7, 12. К сожалению, в этом номере «Кифы» нам удастся осветить далеко не все происшедшее в рамках конференции встречи. Мы планируем продолжить публикацию материалов, прежде всего, журналистского семинара, в следующих номерах.

Институт философии. В последний день конференции

“ВЕЛИКИЙ МОСКОВСКИЙ СОБОР” ОБСУЖДАЛИ НА КОНФЕРЕНЦИИ В БОЗЕ

Подходы докладчиков к проблеме оказались кардинально различными

С 14 по 20 сентября в Спасо-Преображенском монастыре в Бозе (Италия) под патронажем Константинопольского и Московского патриархатов прошла XI традиционная международная научно-богословская конференция. Ее “греческая” часть (14-16 сентября), была посвящена наследию святых отцов, подвизавшихся в пустыне Газы (преподобного Варсонофия Великого, его ученика Иоанна и аввы Дорофея), а “русская” (18-20 сентября) – Поместному собору Православной Российской церкви 1917-1918 гг. (“Великому Московскому собору”, как он был назван в программе).

Преподаватели Свято-Филаретовского института в течение многих лет участвуют в конференции в Бозе. Именно там впервые прозвучали доклады ректора Института, свящ. Георгия Кочеткова, посвященные наследию преподобных Нила Сорского, Серафима Саровского и Силуана Афонского.

В работе конференции неоднократно принимали участие преподаватель церковной археологии Александр Копировский и преподаватель истории церкви Виктор Котт. Заявленные в этом году темы не могли не вызвать особого интереса не только у специалистов-историков, но и у всех верующих. Это связано с тем, что решения Собора 1917-1918 гг. до сих пор не реализованы в Русской православной церкви, и их актуализация является одной из насущнейших задач современной церковной жизни. Мы попросили профессора СФИ, зав. кафедрой богословских дисциплин и литургии Давида Гзгзяна кратко прокомментировать участие Русской православной церкви в работе “русской” части конференции.

Давид ГЗГЗЯН: Русская православная церковь была представлена, на мой взгляд, очень странно.

Участники конференции представляли собой три разных, практически не пересекающихся мира. Основную часть докладчиков представляли собой светские историки, говорившие о последствиях собора почти вне серьезного церковного контекста. Что касается церковных историков, то разница между емким и заметным докладом Ильи Соловьева (он говорил о разных церковных группах, складывавшихся во время подготовки и проведения собора), хорошим, добротным докладом Дмитрия Поспеловского – и выступлением прот. Владислава Цыпина, закончившимся утверждением, что ценные решения Поместного собора оказались очень полезны для работы Архиерейского собора 2000 г., была разительной. Кстати, тезис о. Владислава вызвал бурные аплодисменты (церковный Устав, принятый Архиерейским собором 2000 г. в корне противоречит решениям Поместного собора 1917 г. – ред.)

К сожалению, дискуссии оказались свернутыми, потому что в программу были включены три незапланированных доклада. Так что даже во время круглого стола выступило пять человек из “протокольных персон” и на этом дело закончилось.

22 сентября состоялась встреча Жана Ванье со студентами и преподавателями РГГУ. Ниже публикуются наиболее интересные фрагменты его выступления.

Доверие – это нечто особое. Иногда, когда я говорю с молодыми людьми, у которых есть проблемы, я спрашиваю их, есть ли у них кто-нибудь, кому они могли бы доверять, кто-нибудь, с кем они могли бы поговорить о своей злости на родителей, о своем желании убить себя, попробовать алкоголь или наркотики. Не тот, у кого можно спросить совета или получить указания, что надо делать, а тот, кто мог бы сказать: я понимаю. Понимаете, если кто-то хочет употребить наркотики, он это сделает, если он хочет совершить самоубийство, он может это сделать. Но я знаю, что если кто-то скажет: я понимаю твою боль, вещи могут начать меняться. Людям не надо говорить, что им надо делать, их надо понимать – их безумие, боль и злость. Во всех нас много злости и боли.

Раньше мы говорили: если ты изменишься, я буду любить тебя. Теперь мы призваны говорить: если ты обнаружишь, что ты действительно любим, ты изменишься. Может быть, не сразу, потому что на все нужно время. Люди прекрасны, но многие люди не знают, что они прекрасны. В каждом из нас есть невероятная жизнь, но часто мы заблокированы от нее. Любить – это ценить, понимать, давать людям возможность расти в работе, в понимании и так далее.

Мой друг Рафаэль умер несколько недель назад. Мы жили в Ковчеге, но не всегда вместе: он перешел в другую общину Ковчеге. Невероятно прекрасный человек. Мы с ним одного возраста. Он часто говорил: хочу жениться. Его очень интересовали молодые ассистентки. И он был прав. Они были замечательными людьми. Но когда я слышал, как он говорит: я хочу жениться, я думаю, что он имел в виду что-то более глубокое, чем просто желание жениться. Он говорил: я хочу открыть безусловную любовь. Я хочу найти исполнение того, что в моем сердце. Иногда он злился. И это можно понять. Но что было замечательно: он злился, кричал на людей, но когда он успокаивался, он плакал и просил прощения. Нам всем надо просить прощения, нам всем надо, чтобы нас простили.

Мы раним друг друга. И продолжаем ранить. Это нормально. Но как просить прощения после того, как мы раним друг друга? Как вновь найти общение и дружбу? Как убрать барьеры, которые мы установили между культурами, религиями, людьми? Мы можем общаться.

Прежде, чем я приехал сюда, мне позвонил журналист. Он спросил меня: “Вы жили 40 лет с умственно отсталыми людьми. Чему это вас научило?” Я сказал: “Первая вещь, которую я узнал – это хаос внутри меня, насилие, которое есть во мне, злоба”. Но я также открыл более глубокие вещи: мне нужно быть любимым и любить. Я думаю, что жизнь с такими немощными людьми помогает открыть свои немощи. Я не такой, как они, я могу говорить, мое тело лучше хранит равновесие и, может быть, моя злость не так заметна. Но у меня были свои проблемы: я был научен делить мир на хороших и плохих, меня научили судить: одни правы, другие нет.

И я вдруг открыл, что люди – это люди, и что у каждого из нас своя история. Некоторые немощные люди – прекрасны, а некоторые заставляют тебя лезть на стенку, злят тебя. Один год я дружил с человеком по имени Люсьен. У него очень серьезные нарушения психики. Он не может ходить, говорить, ничего не может делать. Его тело очень напряжено. Он может расслабиться только в ванной. Когда его купали, все его тело расслаблялось. Сорок лет он прожил со своей мамой. Его мать понимала каждое движение его тела, его плач. Невероятно прекрасная женщина, которая великолепно ухаживала за сыном. Но мама заболела, и ей надо было лечь в больницу. И его положили в больницу, потому что он не мог жить один. Он был

МЫ НУЖНЫ ДРУГ ДРУГУ

невероятно встревожен, потому что его отделили от единственного человека в мире, который его любил и понимал. Он вошел в состояние хаоса. В каждом из нас есть хаос. И когда мы достигаем предельной черты, мы можем кричать от хаоса. И он кричал и кричал. Из больницы его взяли в нашу общину. Я прожил с ним год. Для меня был невыносим его крик. Вместе с командой врачей мы решили, что мы не будем давать ему лекарства, потому что его крик естественен – крик боли, потому что он был лишен общения со своей мамой, единственным человеком, который его любил и единственным человеком, кого он любил. Но его крик пробуждал крик во мне, потому что он был очень высокой тоналностью, и он рождал во мне злость. Я видел, как жестокость и раздражение растут во мне.

Я не буду подробнее об этом говорить, но я знаю, что в каждом из нас есть жестокость, потому что мы все ранимы, мы не хотим, чтобы нас ранили и мы создаем барьеры вокруг себя. Мы защищаем себя предрассудками. Есть люди, на которых нам не хочется смотреть, которых мы отталкиваем, потому что подойдя слишком близко, они пробуждают в нас ранимость. И я говорю, что жизнь с немощными людьми помогла мне открыть мои немощи. И, если я призван к состраданию и пониманию людей немощных, то безусловно важно, чтобы я понимал немощь в самом себе.

Иногда я слышу, что в сфере социальных работников есть синдром сгорания. Люди всегда что-то делают для других. Но мы можем убежать от самих себя, помогая другим. Если я хочу, чтобы людям было хорошо, нужно, чтобы мне было хорошо. Если я хочу, чтобы люди были живыми, то я сам должен быть живым. И если я призван к состраданию и пониманию других людей, это значит, что я призван к пониманию самого себя. К пониманию того, что во мне есть хаос и надломленность. Я должен видеть свои страхи, я должен понимать, чего я боюсь. Боюсь смерти? Неудачи? Боюсь не угодить другим людям? Боюсь быть самим собой, отличным от других?

У каждого из нас есть страхи и нам надо открывать, в чем они. Мы все имеем страхи в себе, но как сделать так, чтобы они нами не управляли? Как быть самим собой? Что мне нужно?

Я открыл, что мне нужно стать ребенком. Когда я был в морском флоте, я был достаточно серьезным, когда я изучал философию, я был очень серьезным. В морском флоте все другие офицеры ходили на танцы, а я, как безумный, ходил в церковь. Я был очень серьезным. Но когда вы живете с немощными людьми, вы теряете свою серьезность, потому что немощные люди говорят не о философии и не о богословии. Они могут поговорить об экономии, если им нужны деньги. Но в чем заключается общение с немощными людьми? В веселье,

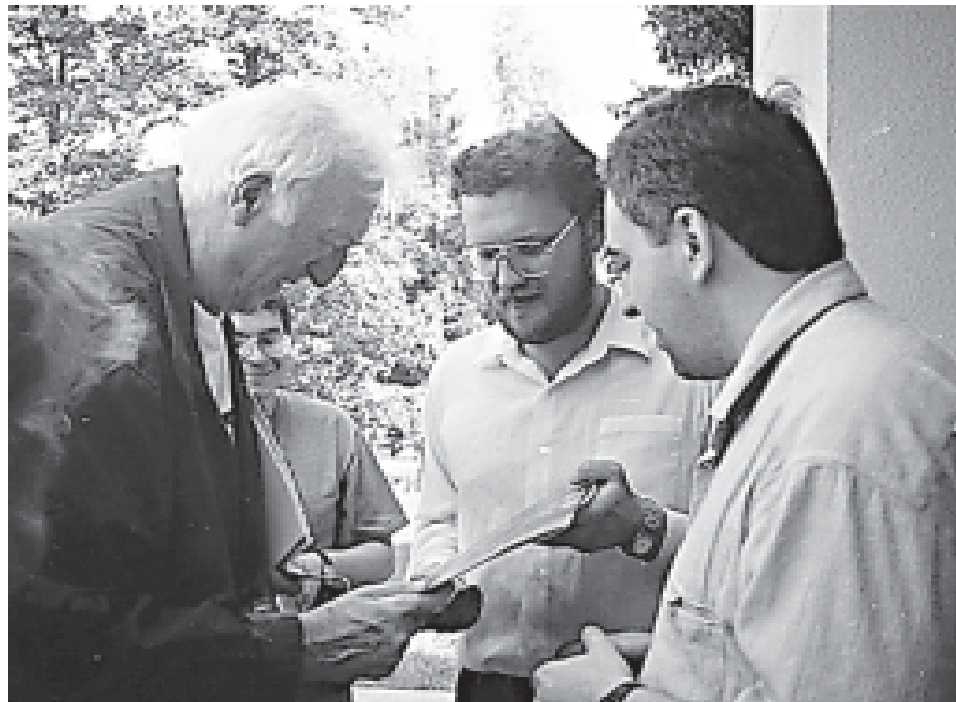
отдыхе, празднике. Когда вы студент, вы должны быть серьезным, когда вы немощны, вы можете научиться веселиться. Когда я был подростком, я развивал свои интеллектуальные способности, умение действовать и командовать, но я не развивал способность к общению, не учился отдыхать с людьми. Немощные люди научили меня празднику, научили уделять время трапезе, научили смеяться вместе, радоваться.

Следующая вещь, которую я обнаружил – это моя потребность в общине. Мы нужны друг другу. Мы ничего не можем сделать ценного, если мы не вместе. И мы слушаем друг друга. У вас есть свои дары, у меня – свои. Ни один из нас не может ничего сделать сам по себе. У каждого есть свои знания и своя история. И вы можете наполнить меня своей историей, опытом, который вы пережили. Я нашел, что многие молодые люди, которые учатся по книгам, не доверяют своему собственному опыту. Никакое познание не приходит только из книг. Я не хочу сказать, что учиться не надо. Я только хочу сказать, что вы должны доверять своему опыту, знать свои страхи, что вы любите, как вы смотрите на мир, что важно для вас. Нам надо понимать, что наш опыт важен.

История человеческого рода – это история, которая подавляет свободу человека. Это сложнейшая реальность современного мира. Мы нуждаемся в том, чтобы принадлежать друг другу, общине, группе, церкви, чему угодно. Но как сделать так, чтобы это принадлежание привело меня к свободе, свободе сознания, свободе быть самим собой? Я не должен просто угодить вам. Я должен знать, кто я. И поэтому община, место, которому я принадлежал, было важно. И это дар, особенно когда становишься старше. Если я заболел, я знаю, что люди будут любить меня и помогут, потому что мы вместе. Мы не просто индивидуальности сами по себе.

И мне нужна в последнем счете моя вера, реальность моих отношений с Богом, которая выше всего того, что я называю человеческой реальностью. Я верю, что это мое общение с Богом ведет меня к свободе, что каждый из нас важен, потому что мы вышли из Бога и идем к Нему. Когда я расту в свободе, я понимаю, что единственно важная на свете вещь – это помогать другим расти в свободе, освобождаться от предрассудков, от страха – чтобы страхи не управляли ими, но чтобы они принимали свои страхи. Дорога к свободе – долгая дорога. Я не могу сегодня сказать, что я свободен, но я желаю этого и хочу расти в большей свободе, свободе слушать, искать истину, быть самим собой и помогать другим людям становиться самими собой.

Перевод с французского Александры ОШАРИНОЙ

Жан Ванье во время встречи со Свято-Петровским братством

Уважаемые участники конференции!

Стало традицией не только ежегодно собираться на могиле протоиерея Александра Меня и возносить молитвы о его упокоении, но и проводить в стенах Библиотеки иностранной литературы научные международные конференции, посвященные его памяти и его пастырскому служению.

Настоящая конференция касается темы Священного Писания и его понимания. Библия не есть творение рук человеческих, она - слово Самого Бога. Христос сказал: "Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его" (Лк. 11:28) и "не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих" (Мф. 4:4). Проблемы евангельского благовестия, приобщения людей не только к букве Писания, но в первую очередь к его духу, во все времена были актуальными в жизни Церкви Христовой.

Отец Александр в своем пастырском служении стремился исполнить долг благовестника. Его миссионерская деятельность проходила в условиях атеистичес-

кого общества. О том времени можно сказать словами пророка Амоса: "Наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, - не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних" (Ам. 8:11). Со всей силой любящего пастырского сердца отец Александр трудился в это время на ниве Христовой. Свидетельством успеха его неустанных трудов является и нынешнее собрание - ведь среди присутствующих немало не только знавших отца Александра, но и тех, на кого он оказал благотворное воздействие, изменил направление жизни, наставил на путь спасения.

Много можно говорить о пастырском и проповедническом подвиге отца Александра, но я хочу указать на самое главное, что было в нем: он в нашем буквально обезбоженном мире находил путь к сердцам своих современников и открывал им тайны Царствия Божия, Самого Христа, "Божью силу и Божью премудрость" (1 Кор. 1:24).

Я, как Правящий архиерей Московской епархии, в лице отца Александра имел преданного сына Церкви, пытавшегося исполнить сполна свой пастырский долг. Его плодотворная деятельность как катехизатора и миссионера отражена и в дошедших до нас письменных трудах, которые изданы большим тиражом и доступны современному читателю.

В прошлом году вышел в свет трехтомный "Библиологический словарь" - последний из фундаментальных богословских трудов отца Александра. Издание этой работы, надеюсь, даст новый толчок к вдумчивому анализу всего научно-богословского наследия отца Александра, откроет новые грани в изучении его творчества, поможет в полноте представить метод его богословствования. Мы являемся свидетелями, что в этой области нет полного единодушия: раздаются не только голоса его поклонников и духовных детей, но есть и такие, кто неоднозначно воспринимает его труды. Читатель не должен забывать, в ка-

ких условиях эти книги написаны, к кому они были обращены. Осмысление письменного наследия отца Александра, несомненно, должно производиться в духе Священного Предания Церкви Христовой и Ее учения. Рассматривая его через эту призму, исследователям надо быть честными. Это задача не одной конференции. Сегодня мы можем лишь начать путь такого глубинного изучения, частично прикоснувшись к этой необъятной теме.

Прибавлять к существованию веры Богооткровенной или убавлять по произволу человеческому - губительно. Апостол Павел предупреждал галатов в своем Послании: "Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема" (Гал. 1:8). Вот как твердо нужно держаться истины Божией, преподанной нам Самим Господом Иисусом Христом и Его святыми апостолами.

Некогда в споре двух известных философов родилось правило: "ты мне друг, но истина дороже". Это хороший путь в любом исследовании и творческом поиске. От нас требуется ответственность и честность при анализе фактов, которые следует рассматривать именно в контексте того времени, когда они имели место. Прошедшие десятилетия, столь трагичные для Русской Православной Церкви, оказались искушительными для многих современных "писателей", легко впадающих в осуждение всех и вся в убеждении, что они-то обладают неким "точным ведением правды". К сожалению, привычка рубить с плеча и соответствующая ей модель мышления нелегко вымываются из сознания: для этого необходима напряженная внутренняя духовная работа.

В конце своей жизни отец Александр стал свидетелем начавшихся преобразований в нашем обществе. Его пытливый ум пытался проникнуть в будущее. Вот какие размышления он оставил: "Если сейчас не перейти от слов к делу, то в ближайшее время шанс будет упущен."

Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады и моры, и землетрясения по местам (Мф. 24:7). Уже не в первый раз исполняются грозные библейские пророчества. Человеку был дан выбор между двумя путями. Вот я сегодня, - говорит пророк, - предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло (Втор. 30:15). И, увы, слишком многие предпочли путь смерти и зла. Сейчас, на закате XX столетия, мы можем, словно в Библии, прочесть вещи слова, записанные в книге истории. Она снова и снова учит нас, что зло несет в самом себе расплату.

Насилие над людьми, над их волей и совестью порождало предателей, доносчиков, рабов. Войны, террор, беззаконие губили целые народы, разрушали их дух, их культуру, их нравственные устои. Мы были предупреждены. Слово Божие уже давно предсказало, куда ведут тирания, бездуховность, неверие и сатанинская гордыня. Однако мы не одумались. Не поняли необходимости покаяния. А теперь еще один враг подстерегает нас. Враг внутренний. Имя его - безответственность и равнодушие".

Поле деятельности, открывшееся сегодня для церковных историков, библистов, катехизаторов и миссионеров, безбрежно и необозримо. Пусть старания каждого из нас будут направлены к созиданию дела Божия и духовному просвещению людей Вечной Истиной, запечатленной в слове Божиим.

Желаю всем участникам данной конференции успехов и Божия благословения. А закончить свое обращение хочу словами отца Александра: "Едва ли правды те, кто говорит, будто христианство уже исчерпало себя в прошлом. Если сопоставить его реализацию с тем, что начертал перед нами Иисус Христос в Своей Благой Вести, то надо признать, что подлинная его история сделала лишь первые шаги".

Москва, Библиотека иностранной литературы имени М.И. Рудомино, 15 сентября 2003 года

ВЛАДЫКА МЕЧТАЛ БЫТЬ РЕГЕНТОМ В ИЛОМАНСИ

Воспоминания протоиерея Рауно Пиетаринена, декана факультета православного богословия в универстете г. Йоэнсу, об архиепископе Финляндском Павле (Олмари)

Мама архиепископа Павла была русской. Она родилась в Выборге, и архиепископ Павел родился в Выборге. В то время, в 1914 году, Выборг был финским городом, принадлежавшим Финляндии. Тот русский язык, на котором говорил архиепископ Павел (он говорил на русском и финском языках с детства) - это был дореволюционный русский язык. Когда архиепископ Павел бывал в Москве и в Ленинграде, русские верующие люди очень любили его речь по двум причинам, и одна из них была как раз язык, а другая, конечно, содержание, то, что было сказано. Русский язык, как вы знаете, что это один из богатейших языков в мире и один из красивейших языков. Но можно сказать, что с языком при социализме случилось то же самое, что и с искусством.

Архиепископ Павел был монахом в Старом Валааме, и он встречался там с некоторыми старцами. Он хорошо усвоил традицию Иисусовой молитвы в монастыре, и это в его научении было центральным моментом. Другим центром в его научении было понимание центрального места Евхаристии в жизни Церкви. Он много читал, и в основном на русском языке, богословскую литературу, которую издавали в Париже в то время - Киприана Керна, о. Николая Афанасьева. Он основывался в своих размышлениях на прочитанном.

Архиепископ Павел очень любил Иломанси, часто бывал здесь и был другом моих родителей. Мне было 6-7 лет, когда архиепископ Павел первый раз был у нас, и я помню, как я плакал очень сильно, когда он уехал. Родители спросили: "А что же ты плачешь?" - "Ну, архиепископ

уехал ..." Он бывал у нас много раз. И, конечно, на меня это повлияло, так что я тоже потом пошел учиться именно богословию. И именно он сказал мне, когда я учился в семинарии, что мне нужно ехать в Свято-Владимирскую семинарию в Америку, потому что там о. Александр Шмеман.

Он говорил, что кем бы он хотел быть в мечтах - это регентом в Иломанси. Он писал литургическую музыку. Вот вчера мы служили литургию, Евхаристический канон, как раз на музыку архиепископа Павла (конечно, она основана на старой византийской традиции). И когда он был архиепископом, он сам вместе с хором проводил репетиции, если он приезжал.

В его жизни были большие кризисы, он болел серьезно. Когда у него был инфаркт, в Куопио, в больнице в университете, сказали, что всего несколько часов, и он умрет, и уже отдали все его вещи секретарю. Во всех приходах служили молебны, и в это время, в 9 часов вечера, ситуация изменилась, и он ожил. И после этого он прожил еще 15 лет. Врачи, конечно же, говорили, что никак невозможно это объяснить, что это как воскресение из мертвых.

Он был аскетом. Шутили так, что если пообедать у архиепископа Павла, то, конечно, здорово потом проголодался. И после болезни он ел только растительную пищу и очень мало. Он все силы свои тратил на литургическое обучение, научение людей.

Говорят, в конце 50-х годов, когда он был помощником архиепископа Германа, он был против того, чтобы молитвы читались вслух. И даже когда сам архиепископ Герман что-то читал вслух, Па-

Архиепископ Финляндский Павел. Второй справа - иподьякон владыки Рауно Пиетаринен

вел его как бы даже останавливал. То, как сильно у него изменились взгляды, можно сравнить с тем радикальным переворотом, который произошел в жизни апостола Павла.

Когда я учился в семинарии, у нас был

очень суровый ректор. И были такие случаи, когда иногда мы, студенты, делали что-то такое, может быть, не очень хорошее. Но мы сразу потом бежали рассказывать архиепископу Павлу, чтобы, когда узнает ректор, архиепископ Павел сумел нас как-то защитить. Говорят, что такие же взаимоотношения были лет 30 назад в Ленинграде. Как-то студенты перелезли через забор, попали не в семинарию, а в психиатрическую больницу, которая была рядом, и их оттуда не хотели выпускать... и митрополит Николай приехал на следующий день и их забрал.

У архиепископа Павла была прямая связь с митрополитом Никодимом и с патриархом Пименом. Митрополит Никодим был открыт для изменений, для каких-то перемен. В Ленинграде в то время читали Евангелие и Апостол по-русски. И когда ректором Ленинградской семинарии был митрополит Кирилл, то он хотел даже больше русский язык использовать в богослужении. Архиепископ Павел и митрополит Никодим, они были единомысленны, и по вопросам языка богослужения и вообще по вопросам богослужения. И митрополит Кирилл очень ценил архиепископа Павла в то время.

Архиепископ Павел умер в 1988 году. Его могила - на кладбище монастыря Нового Валаама. Еще до того, как он умер, он говорил своим студентам: если у вас будут трудности и горести, приходите на мою могилу и просите меня, я помогу вам. И монахины монастыря Линтула, это женский монастырь около Нового Валаама, они подтвердили, что это правда. Есть и другие свидетельства.

Материал подготовлен Натальей АНЦИФЕРОВОЙ и Александром БУРОВЫМ

ИТОГИ И ОЖИДАНИЯ

Интервью с участниками конференции
«Вера — Диалог — Общение»

"Кифа": Что бы Вы назвали как основной итог этой конференции? Может ли у нее быть какой-то практический результат или пока чисто теоретический?

Свящ. Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института, магистр богословия: Практический результат может быть связан только с тем, что, поскольку «от избытка сердца говорят уста», в этом сердце будет больше возможности для настоящего живого церковного диалога. И, надеюсь, будет дан импульс для будущей конференции. Что касается теоретического результата — я думаю, что и наше сознание, как некоторые бы сказали, достаточно сильно расширилось.

Главная ценность нашей конференции всегда в живом общении, а не только в интеллектуальных поисках, хотя и они на таких конференциях абсолютно необходимы для этого живого общения. Вот в этом вся суть. Как всегда, есть новые люди, как всегда, есть новые выходы, как всегда, есть какие-то новые откровения, как всегда, есть некое новое дерзновение, надеюсь, будет новое удостоверение и умно-

жение веры.

Людам очень важно, чтобы подтвердилось делом то, о чем вчера говорил: что в церкви можно говорить обо всем, но живым, духовным, открытым, экзистенциальным образом. Мне кажется, что на конференциях это удается.

Да, нам не удается удержаться на этом уровне в течение всего года. Но у нас много поводов это делать: и паломничества, и соборы, да и многое другое. Нам важно, чтобы это можно было перенести и на таинства, чтобы это можно было перенести и просто на всю жизнь человека. Но это еще дело будущего. Вот для этого мы и встречаемся.

"Кифа": Никита Алексеевич, насколько конференция этого года соответствует Вашим ожиданиям?

Никита Струве, профессор университета Париж-Нантер, главный редактор издательства «УМКА-Press», главный редактор журнала «Вестник РХД»: Она всегда соответствовала не то чтобы моим ожиданиям, но она всегда вселяла в меня удовлетворение. Темы взяты интересные, актуальные. Диалог в современном мире убывает или невозможен. Диалог является не только долгом Церкви, но является ее природой. Внутренний диалог, внутренняя свобода, живая жизнь Истины и Абсолюта — они должны быть на всех уровнях в церкви, и она должна быть в этом смысле примером миру, который сейчас глохнет к диалогу.

"Кифа": Вы говорили о двух частях русского православного зарубежья — "евлогийской" и "карловацкой". Одна из них диалогична, а другая недиалогична. Евлогийская дала целое созвездие богословов, а карловацкая — ни одного, за исключением митрополита Антония (Храповицкого), который сложился как богослов еще до революции. Не является ли это следствием отсутствия диалога?

Никита Струве: Конечно. Если к Истине только прилагаешь формально, как к чему то монологичному, то не по-

лучается никакого творчества. В этом смысле пример карловацкой церкви поучителен. Конечно, в пастырском отношении она свою роль выполняла, и нельзя говорить, что у нее нет заслуг, но это действительно так. Настоящая жизнь в Истине и Истиной может быть только в диалоге. В диалоге с ближними, в диалоге с Богом, в диалоге с самим собой, с миром, с дальними. Это исторический урок нашей церковной эмиграции.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ДИАЛОГА В ЦЕРКВИ

Материалы круглого стола, прошедшего
в рамках конференции «Вера — Диалог — Общение»

В этой публикации не упоминаются фамилии участвовавших в круглом столе священников, потому что в разных епархиях РПЦ отношение к опыту Свято-Филаретовского института и Преображенского братства очень разное — где-то тех, кто связан с ним, с радостью приглашают участвовать в важных церковных служениях, где-то, наоборот, преследуют вплоть до абсолютно незаконных и необоснованных прещений. Кто-то из участников конференции приехал на нее «гласно», кто-то — нет. Поэтому все священнослужители названы только по именам.

Ведущий: Мне кажется, что я на тему нашего круглого стола уже сказал все, что мог. Поэтому я только напомню, что в моем докладе было два момента, которые касались идеи начала диалога в церкви. Я говорил о том, что нам нужно понять историю во всех ее пластах, так же, как и культуру во всех ее пластах. И еще — о том, что начинать нужно с двух вещей: прежде всего с восстановления местных соборов в церкви, и, во-вторых — с собирания всех ее живых сил, которые и питают ее, пусть даже и не сообразуясь друг с другом, несмотря на различие практик, опыта и частных традиций. Все это — то, что требует опыта и навыка диалога. И я хотел бы это еще раз повторить.

Даю слово желающим участникам круглого стола.

Никита Струве: Мне кажется, что о. Георгий совершенно прав. Во-первых, начать диалог в Церкви — это вернуться к соборности на всех стадиях жизни. Во-вторых, мне кажется, что нужно давать пример, и вот сегодня дается пример. Но, слушая выступления, я иногда думал, что мы сужаем Церковь до какого-то социального, организационного момента. Мы являем собой сейчас Церковь — тут, в данный момент. Мы собрались по церковному вопросу, для свидетельства, в диалоге друг с другом — как мы видим это, как нам дальше жить. Первое условие — чтобы снизу шло это вживание в Истину, не вмещающую в понятия и концепции.

Конечно, современное общество постепенно отвыкает от диалога. Я часто вспоминаю то, что говорила мне Анна Андреевна Ахматова: "Все говорят, но никто не слушает". Она считала, что в XX столетии, в частности в русском обществе, советском обществе, происходит какая-то эволюция ментальности. Если мыслить, сужая Церковь, сужая ее до инстанций, то институт соборности уходит, начиная с приходов и дальше — епархий. Надо надеяться, что когда-то соберется Всероссийский собор, можно отчаиваться, что никогда не соберется Вселенский собор Православной Церкви. Но если мы, живя в этой структуре, будем поворачиваться к ней спиной, то никакого диалога не будет. Надо вешать, кричать, что возврат к соборности необходим, и начинать эту соборность своей личной жизнью и в общине.

Ведущий: Большое спасибо, Никита Алексеевич. На основе того, что Вы сказали, и того, о чем говорил в своем докладе о. Павел, уже намечаются какие-то конкретные вещи. Самое

опасное в этой области — пре-краснодушие. Причем неважно — «со знаком "минус"» или «со знаком "плюс"». Нам нужно все доводить до полной конкретики в нашей жизни, — только тогда все это оживет, будет той Жизнью, о которой сегодня говорили, как об Истине.

О. Георгий: Мне кажется, что ключ к развитию диалога лежит в восстановлении норм церковной жизни. Если не будет восстановлена какая-то нормальная жизнь, то очень трудно будет восстанавливать уважение между людьми. И тут очень важным является то, на что мы делаем ставку. Некоторые силы делают ставку на глупость людей. Происходит просто оглушение целого народа. И понимаете, протестовать и выступать против глупости очень трудно. От глупости человека можно только освободить. И для этого нужно действительно просто восстановление норм церковной и христианской жизни. И для этого важен прежде всего пример, и я из своего опыта могу сказать, что таким примером могут являться общины и братства, где одним из принципов построения общины является личностный принцип, — то есть уважение к личности каждого человека. Если такое личностное измерение не будет восстановлено в нашей Церкви, то все остальное будет находиться в очень шатком состоянии. И очень трудно будет говорить о восстановлении норм церковной жизни. На самом деле такой опыт есть, и тут можно вспомнить опыт древней Церкви и то, что есть в опыте нашего, Преображенского братства, и в опыте других движений в народе Божьем.

Ведущий: Вот это уже новый аспект, о котором мы говорили мало, хотя он естественно подразумевался во многих утверждениях, прозвучавших сегодня, и положениях докладчиков, но он мне кажется очень важным, его необходимо подчеркивать, потому что сама соборность предполагает такие вещи. Это то, что мы бы с вами назвали личностностью. Соборность безличностная перестает быть соборностью, настоящей соборностью. Мне кажется, что сейчас это не вызывает сомнений. Но тут возникает вопрос, как к этой личностности прийти. И как придти к той братской, общинной жизни в церкви, которая бы не сковывала человека, его свободу, но и не позволяла бы человеку смешивать свет и тьму в своей жизни. Один из ответов, как мне кажется, это особое качество миссии и катехизации.

А. М. Копировский: На самом деле очень большие проблемы в том, что о. Георгий называет нормой церковной жизни. Сейчас это звучит по меньшей мере странно, потому что те, кто хочет восстановить нормы церковной жизни, в глазах тех, кто по статусу должен их восстановить, выглядят диссидентами, ведь уже на само слово "диалог" есть очевидная негативная реакция. А с другой стороны, для широкой массы народа, и это аксиома, такие люди будут выглядеть светскими диссидентами, бунтарями, которые хотят всех взбудоражить, непонятно зачем. При такой ситуации развивать диалог все равно, что кукарекать в пустоту, потому что «не по адресу» получается. Ведь те, кто хочет вступать в диалог, те и стараются его вести, а тем, кто его не принимает, «насиленно мил не будешь». И здесь, мне кажется, нужно избегать подмен. Если кто-то абсолютно равнодушен и к Истине и к Церкви, то его просто надо выставить вон, а не вести с ним диалог. Другое дело, что это тонкий момент, и если мы, «прежде чем объединяться», то это будет все, что угодно, но только не Церковь. И надо быть осторожными. Но смешивать это нельзя и говорить о границах все-таки нужно. Конечно, нам сейчас дано такое время, когда тебе говорят: "Давайте диалог! Давайте поговорим, дорогой такой то..." При этом говорит тот, кто на тебя клеветал, пытался лишить тебя если не жизни, то какого-то нормального положения, просто самой возможности говорить. Мне приходит на память замечательное стихотворение А. К. Толстого про убийцу нечестивого, который вонзил кинжал в грудь Деларю, а тот ему сказал учтиво: "Благодарю". Ну и так далее и так далее...

Мне показалось, что на вопрос: "Что нам нужно для диалога в Церкви?" сейчас вполне подходит ответ, который дается на вопрос: "что нужно для получения хорошего высшего образования?". Терпение, стремление, знание.

Ведущий: Ну, вот мы как раз достигли того пункта, когда диалог входит в стадию некоего конфликта с самим собой: хочешь диалога, выставляй вон того, с кем ты диалогизировать собрался или кто хотел бы диалогизировать своими средствами с тобой. Это противоречие серьезное. Церковь много раз, на протяжении многих веков пыталась выставлять из себя тех, кто не достоин Ее, и вы знаете, чем это исторически закончилось — полным провалом по-

каинной дисциплины. Сейчас епископы требуют, чтобы крестили всех, кто придет в нее. Если придет богохульник или пьяный человек, который будет оскорблять священника в храме, то если узнают, что вы его крестить отказались, что сделают с таким человеком, о. Георгий?

О. Георгий: Скажут: "Ищи другую епархию".

Ведущий: Священнику, конечно. (Смех в зале)

Так же и с исповедью. Любый прелюбодей, убийца, кто угодно придет в храм на исповедь, и по мнению многих архиереев, священник обязан будет его причастить просто по самому тому факту, что он пришел к тебе на исповедь, даже если при этом он ему твердо ничего не обещает. И то и другое — церковная реальность. Реальность очень серьезная. Да-

в советское время. Когда я тогда пришел, там был уже некий актив людей, которые в этом храме служили. Но только когда появилась общинно-братская жизнь, только тогда появился интерес к истории этого храма. Потому что самому приходу история, как ни странно, была не нужна. Когда появляется опыт братской жизни, появляется интерес к другому, который есть внутри общины и братства и который, соответственно, потом переходит за пределы общины и братства, становится важным просто человеку, который молится с тобой в храме. И возникает вопрос о тех, кто молился в этом храме 20 лет назад и 40 лет назад, когда над всей страной проходили сокрушительные бури.

Мне кажется, нужна просветительская деятельность, не тождественная миссионерско-катехизаторской. Она нужна для того, чтобы усилить взгляд на

центр жизни. И если это хороший настоятель, хороший священник — нужен опыт какого-то сотрудничества. Нужно начинать переговоры там, где лежит сердце, на этом поле. Я не имею в виду потакание страстям, но нужно говорить с человеком «на той половине сердца, где он живет».

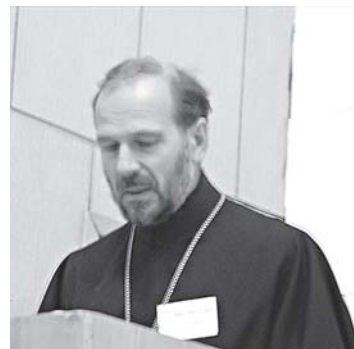
О. Михаил: Те, кто понимает, что в церкви есть проблемы: отрыв христиан друг от друга, отрыв между священством и мирянами, те, кто здесь собрались, пытаются их преодолеть в себе и в Церкви в тех общинах, где они живут.

Чувствуется, что в пустыне, которой была церковная жизнь совсем недавно, начинается движение. Я с удивлением обнаруживаю, как много священников, мирян, не связанных ни с какими движениями, начинают чувствовать, что дальше так

"Кифа": Тема конференции требует, наверное, некоторого усилия надежды, потому что пока диалога, о котором здесь говорится, почти нет. Чего Вы ждете от этой конференции — просто осмысления положения или каких-то практических шагов?

Архим. Августин (Никитин), доцент СПбДА, кандидат богословия: Сейчас, когда консервативное крыло в церкви возобладало и когда церковное руководство дистанцировалось от диалога, все боятся этого диалога, или, во всяком случае, избегают его. Небольшой пример: на генеральную ассамблею ВСЦ в Ванкувере было направлено более 40 делегатов РПЦ, а на ассамблею, которая проходила в Хараре, в Зимбабве, поехал один второстепенный клерк, мирянин из ОВЦС, ну и, может быть, переводчик. Вот как изменилось отношение к диалогу.

Поэтому эта конференция — некоторый "луч света", надежда на то, что несмотря на то, что все поменялось, диалог все-таки существует. В со-

ветские времена, когда какой-то тост провозглашали, говорили: "за то, благодаря чему несмотря ни на что" и умалчивали, о чем идет речь. И все всё прекрасно понимали. Когда какое-то государство или нация терпит поражение — как это было, когда Советский союз проиграл холодную войну — происходит рост фундаментализма. Кстати говоря, в такой ситуации не только мы, то же происходит в арабском мире. Так вот, я хотел бы пожелать, чтобы продолжала жить и эта конференция, и ваш институт и все, "благодаря чему несмотря ни на что".

вайте об этом подумаем, подумаем дальше. Есть границы диалога, как есть и границы Церкви, как сказал А.М. Копировский сейчас. Проблема с границами очень не проста, это мы уже обсуждали на одной из наших конференций в Москве. Я предлагаю обострить этот вопрос, потому что мы постоянно с этим сталкиваемся. Те люди, которые разрушают Церковь, любыми средствами преследуют за возмущение этим и говорят: "Не выносите сор из избы", "а за чем ты судишься у неверных", "ты не имеешь права подавать в суд за клевету, а если тебя оклеветали, то считай, что тебя Бог посещает, а не клеветник хулиганит, смирайся". Но, простите, смирайся перед чем? Перед злом? Перед грехом? Это проблема. Ну, пожалуйста.

О. Иоанн: Я набросаю несколько пунктов, которые, как мне кажется, являются ответом на вопрос, — что нужно для диалога в Церкви. Но я хотел бы сказать сначала то, что будет некой переключкой с тем, что сказал о. Виктор: начинать нужно с себя, потому что для диалога нужны прежде всего люди, способные в этот диалог вступить. Нужно диалогичность культивировать в себе и искать в том опыте общинно-братской жизни, о котором говорил о. Георгий.

Опыт общинно-братской жизни задает точку опоры, на которую можно опереться, некий фокус зрения. Храм, в котором я служу, не закрывался

деятелей церковного возрождения начала XX века. Я недавно прочитал книгу о. Николая Балашова, посвященную этому периоду, и был просто поражен уровнем дискуссии, которая тогда велась. Потому что сторонники славянского языка были вовсе не против русского, потому что все могли этот вопрос обсуждать и никто не говорил, что они желают вреда для Церкви и т.д.

Мне кажется, что нужно усиливать голос деятелей церковного возрождения XX века и нужно усиливать голос новомучеников и исповедников российских, но не всех подряд, а тех, кто заботился о проблемах церковной жизни. Например, четвертый том проповедей о. Сергия Савельева — потрясающая книга, и проблема только в том, кто этот голос услышит. Прошло 30 лет с тех пор, когда он это говорил, но такое впечатление, что мы не достигли уровня, на котором он говорил.

Потом есть уважаемые люди в Церкви, которые причастны этому опыту. Пока мы имеем счастье смотреть в глаза этих людей, мы должны дать им голос, чтобы слышать их, чтобы диалогу этому учиться.

И последний момент. Подготовка диалога. Есть люди, которые отвечают за судьбу РПЦ сейчас. Здесь невозможно выходить на диалог со структурой, потому что невозможно вести диалог с "епископом вообще". Но с конкретным епископом — можно. Понятно, что ситуация такова, что нужно понять, где

жить нельзя. И я хотел бы сказать несколько слов о некоторых новых формах диалога, связанных с такими средствами общения, как интернет. Это новая возможность разговора, обмена мнениями, получения друг от друга поддержки.

Вы — такое мощное движение. Может быть, у вас есть желание — я не знаю, в какой форме — осуществлять связь между этими живыми силами. Может быть, координировать, может быть, просто информировать и помогать тем, кто может общаться только таким способом, потому что живет далеко.

Так могла бы возникнуть общность тех, кто разделен расстоянием. Это было бы очень благим делом.

Ведущий. Это вполне достойное завершение первого дня нашей конференции. Если бы, действительно, кто-то откликнулся на предложение о. Михаила, мне кажется, было бы очень хорошо. Мы, конечно, на сайте нашего института даем информацию и пытаемся поддерживать связь со многими людьми, но тех, кто занимается этим в нашем институте, очень мало и они очень перегружены, поэтому мы, конечно, не можем гарантировать, что мы не пропускаем ничего важного. Если найдутся люди, которые действительно почувствуют, что это сегодня крайне необходимо, которые эту функцию взяли бы на себя, я думаю, это могло бы иметь огромное значение.

"Кифа": Сергей Юрьевич, Вам удалось сказать то, что Вы хотели сказать, когда шли сюда на конференцию?

Сергей Юрский, народный артист России: Если сказать тезисно: "да, удалось". Потому что один только мотив пяти-сот пьес прочтенных, написанных на русском языке за этот год, из которых от силы десяток заслуживает серьезного обсуждения — это мотив отчаянный. И это не о бездарности речь, а о том, что есть некие сдвиги, и видимо, какие-то необратимые сдвиги в сознании людей и в выражении их чувств и мыслей.

"Кифа": Чувствовали ли Вы реакцию зала?

Сергей Юрский: Это зал моих соотечественников, или моих зрителей и это родной зал для меня всегда.

"Кифа": С чем для Вас прежде всего связаны наши конференции?

Сергей Юрский: Для меня очень важно, что эти конференции продолжаются, что они имеют опору. Если они станут заботиться лишь о сохранении своего статуса, то постепенно это должно выродиться в словоговорение, в такую бого-

словско-профессорскую историческую шутковину. Она тоже будет важна, потому что будут издаваться книги, это будут умные книги, потому что здесь умные люди и все это будет важно. Но тогда уже хотя бы о каком-нибудь миссионерстве говорить будет нельзя. Я не знаю, я не очень понимаю, что такое православное миссионерство. Но оно существует. Оно очень важно. Наверное, то, что делают эти конференции, то, что мы делаем вместе с ними, это и есть миссионерство — собственным примером показать: бывает и другая интересная жизнь.

"Кифа": Каковы Ваши первые впечатления от этой конференции? Каких результатов Вы от нее ждете?

Борис Воскресенский, кандидат медицинских наук, доцент Московского медицинского института: Я не в первый раз участвую в этих конференциях. Они мне очень нравятся, несмотря на то, что они становятся все сложнее по тематике и требуют все больших внутренних усилий и при подготовке своей доли участия в конференции, и в осмыслении ее результатов. Я всегда очень жду эти конференции, потому что они удивительно современные и удивительно человечные. Я позволю себе сказать, что даже в своей профессиональной аудитории я редко встречаю столь важные, столь мучительные, столь острые, тра-

гичные, столь необходимые для разрешения вопросы, как те, которые ставятся здесь. Я благодарен за то, что меня пригласили.

Выражаем благодарность за поддержку Фонду Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров

Получение женщинами высшего богословского образования воспринимается многими нашими современниками как полнейшая дикость и одно из проявлений западного феминизма.

Как же обстояло дело с женским духовным образованием в дореволюционной России? Как ни странно, в решении «женского вопроса» Россия шла в ногу с западной Европой или даже опережала ее. Активизация женщин, происходившая в общественной жизни России в связи с социальными изменениями в обществе с середины XIX в., наблюдалась и внутри Русской православной церкви. Духовенство первым из сословий стало решать проблему предоставления женщинам возможностей к самостоятельному существованию.

Первые училища для дочерей духовенства появляются еще с 1840-х гг. В задачи этих училищ входило давать воспитание, «вполне соответствующее их двоякому назначению: а) быть достойными супругами служителей Церкви; б) быть достойными попечительными матерями, которые воспитали бы детей своих в правилах благочестия и добронравия». К 1860 г. существовало 4 «училища девиц духовного звания», в которых обучалось в общей сложности 279 человек; к 1866 г. число училищ достигло 11, а учащихся — 594 человек.

Однако стремительный рост женских духовных учебных заведений начинается в период Великих реформ в России, повлекших за собой значительные изменения в социальной структуре общества. В епархиях на местные средства начинают открываться женские училища, создаваемые по инициативе местного духовенства, которое «глубоко осозная потребность в образовании своих детей женского пола и все более убеждаясь в благодетельности учрежденных для сего женских духовно-учебных заведений», активно занималось их открытием и благоустройством. Следует отметить, однако, что хотя эти епархиальные училища и создавались духовенством, и ставили своей задачей решение проблем именно духовного ведомства, они никогда не мыслились исключительно сословными, туда принимались девушки любого происхождения. К 1866 г., как сообщают отчеты обер-прокурора Св. Синода, существовало 39 местных училищ в 37 епархиях, 3 частных, и 14 приютов при монастырях для призрения дочерей служителей церкви. Число женских епархиальных училищ продолжало расти, но неустойчивость существования самих училищ, зависящих от благотворительных взносов, отсутствие единых стандартов образовательных программ, отсутствие, по сути, права на работу по получаемой специальности — все это делало их существование крайне неустойчивым и зависящим, от расположения епархиального архиерея. По инициативе обер-прокурора Св. Синода Д.А. Толстого, который с момента своего прихода на должность признавал необходимой реформу духовно-учебных заведений в целом, Учебным Комитетом при Св. Синоде был разработан общий устав для епархиальных училищ, который был утвержден 28 сентября 1868 г. Этот план соответствовал на тот момент программе женских училищ министерства народного просвещения и включал, кроме общеобразовательных и некоторых богословских предметов, прохождения воспитанницами курса педагогики.

В задачи разработчиков нового устава входило предоставление возможностей для дальнейшего обеспечения выпускниц епархиальных училищ: если раньше устроители духовных училищ ставили первоочередной задачей обеспечить своих выпускниц замужеством, то теперь «по пар. III устава <выпускницы получают> право на звание домашних учительниц тех предметов, в коих они оказали хорошие успехи, без особого на это звание испытания». В последующие годы право на звание домашних учительниц получили и выпускницы училищ девиц духовного звания, «присвоение этого преимущественно воспитывающимся в женских училищах духовного ведомства дочерям духовенства, при бедности большинства в этом сословии, имеет весьма важное значение, — облегчая им возможность при-

обретать себе средства к жизни занятиями обучением детей, домашним и школьным» — отмечалось в отчете обер-прокурора Св. Синода.

К 1879 г. существовало 29 (из 33) преобразованных епархиальных училищ, в которых обучались 5871 чел.; в 11 училищах девиц духовного звания обучалось 1006 чел. В 1905 г. существовало 57 епархиальных училищ, в них обучалось 19995 чел.; в 11 училищ девиц духовного звания обучалось 1814 чел.

Безусловно, существование епархиальных женских училищ было связано с большими сложностями: крайняя нехватка местного материального обеспечения, ограниченность платы за обучение из-за нищеты епархиального духовенства, неудачи при попытке привлечения женских монастырей к делу обучения и обеспечения дочерей духовенства, насто-

женщин делались уже в 80-е гг. XIX в. Одна из них была предпринята протоиереем А.М. Иванцовым-Платоновым в виде отдельных чтений по богословским вопросам для образованных женщин. К сожалению, такого рода курсы долго не просуществовали.

В 1910 г. открылись женские богословские курсы — одновременно в Москве и Казани. В том же году в Москве возникли женские богословские курсы, основанные «Союзом христианских матерей» под председ. граф. З.В. Коновницыной при «Обществе содействия религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию детей» кн. С.А. Голицыной. «В задачи курсов входит сообщать образованным женщинам научное изложение веро- и нравоучения христианской педагогики в применении к обучению детей дошкольного и школьного возраста и

и окрепли такие служения в жизни, которые требуют участия не только девушек, но и замужних женщин: учительницы, воспитательницы, начальницы женских училищ всякого рода, — не говоря уж о семье, где мать, сестра, воспитательница должна теперь, при господстве всяких отрицаний и всех видов скепсиса, охватывающих молодежь, быть во всеоружии богословско-философских знаний».

В-третьих, потребность женщин в образовании, которую правительство никак не решалось удовлетворить, допустив женщин в университеты, создавала благоприятные условия для создания богословских учебных заведений для женщин.

Наконец, стало обычаем для девушек по окончании курса гимназии искать продолжения образования в высших учебных заведениях, вследствие чего всякого рода высшие женские курсы — медицинские, юридические, историко-филологические, организованные аналогично университетским факультетам, невероятно переполнены. В 1905-1907 гг., когда женщины допускались в университеты, их аудитории также были переполнены «женским элементом».

Записка предполагала предоставить выпускницам курсов широкие права, даже преподавание Закона Божьего во всех низших учебных заведениях. Но у Св. Синода средств и желания на открытие подобного учебного заведения не нашлось и московские курсы существовали некоторое время на пособия благотворителей.

К 1913 г. был даже разработан проект ныне всеми забытого Женского Богословско-Педагогического Института, который должен был находиться в Московском Скорбященском монастыре. Общие курсы включали следующие предметы:

- 1) Св. Писание Ветхого и Нового Завета
- 2) Православно-христианское богословие с апологетикой
- 3) Общая церковная история
- 4) Русская церковная история
- 5) Обличение раскола и сектантства
- 6) История христианского искусства
- 7) Логика
- 8) Психология
- 9) Философия
- 10) Педагогика
- 11) История педагогических учений
- 12) Основы естествознания
- 13) Гигиена
- 14) Один из новых языков

Групповые занятия организовывались по двум группам: словесной и исторической. В программу первой входили:

- 1) история русской литературы
- 2) история западноевропейской литературы
- 3) история народной словесности
- 4) русский и церковно-славянский язык

5) методика русского и церковно-славянского языка и литературы
6) славяноведение
7) сравнительное языковедение
Программа исторической группы включала:

- 1) русская история
- 2) всеобщая история
- 3) история Византии
- 4) история славян
- 5) методика преподавания истории.

Выпускницы института получали «право преподавания во всех средних женских учебных заведениях по тем предметам, методики которых они изучали в институте». Однако из-за начавшейся Первой мировой войны этот проект реализован не был, лишь в ноябре 1916 г. удалось открыть ненадолго женские курсы в Скорбященском монастыре.

Октябрьская революция, поставив под угрозу существование самой Церкви и лишив ее преподавательской деятельности, надолго прервала попытки получения богословского образования женщинами. В православных церквях, где традиция не была искусственно прервана, необходимость предоставления женщинам права на получение высшего богословского образования вполне осознавалась. Во второй половине XX в. некоторые поместные церкви (Греции) и особенно диаспоры — Франции и США, стали допускать женщин к учебе в духовных семинариях и богословских факультетах и даже к преподаванию в них.

Е.В. БЕЛЯКОВА, Н.А. БЕЛЯКОВА

рожденность земских учреждений к «епархиалкам» и предпочтение ими при взятии на работу выпускниц училищ Министерства Народного Просвещения. Тем не менее, «Епархиалки» начинают активную деятельность в стране, стремятся к получению высшего образования, преподают в земских и церковно-приходских школах, участвуют и в народническом движении.

Помимо заведений для дочерей духовенства в России появлялись и другие учебные заведения. Открываются женские гимназии, Петербургский женский мединститут (в 1897 г.), Петербургский женский педагогический институт (в 1903 г.), Высшие женские курсы. Идет борьба за предоставление женщинам возможности обучаться в университетах. Однако женское движение, женская образованность в России в основной своей массе не пошла по религиозному пути и не обошлась без крайностей: русские нигилистки, отрицавшие веру, семью, брак, хорошо известны по художественной литературе. Осознавая эту проблему, некоторые церковные деятели пытались противопоставить верующих, христиански образованных женщин антирелигиозно настроенным активисткам женского движения, рассматривая их как важное средство для «просвещения народа на исконных православно-русских началах в начальных народных школах».

Задачи внутренней миссии требовали решения вопроса о богословском образовании женщин. Попытки создания разного рода богословских курсов для

преподаванию их народу в народных и иных школах, посредством чтений».

Прот. Иоанн Восторгов, который принимал активное участие в открытии этих курсов и разработал их устав, написал докладную записку на имя митрополита Владимира (Богоявленского) и подал ее вместе с прошением об открытии Высших богословских женских курсов. Эта записка заслуживает, несомненно, большого внимания. Автор объяснял причины необходимости серьезного отношения к женскому религиозному образованию. Во-первых, он указал на проблему незамужних девушек:

«Жизнь приняла такое направление, что оставляет множество девушек вне семьи и замужества. Прежде такое явление разрешалось женскими монастырями, и доньше для множества не нашедших замужества девушек и вдов, особенно в среде простого народа, монастырь служит путем здоровой в нравственном отношении и осмысленной жизни: недаром статистика указывает, что число насельниц женских монастырей за одно только царствование императора Александра III увеличилось в абсолютной цифре на 23000 сравнительно с прежним. Но монастыри не всем желанны и доступны, да и строй их, нужно сознаться, часто таков, что образованной женщине трудно там приложить свои знания в соответствующем труде».

Во-вторых, появились сферы приложения сил образованных женщин:

«С другой стороны, давно появились

НА ЯЗЫКЕ ВРЕМЕНИ

Христианское воспитание детей, их подлинное воцерковление является задачей, важность которой понятна любому православному человеку. Задачей далеко не простой в наше, с одной стороны, открытое свидетельство веры времени, с другой стороны, время, когда мир очень жестко и активно сопротивляется самим своим существованием любому проявлению Истины в нем. Как надо воспитывать детей в наши дни? Как и чему их учить? Как вести их ко Христу и в Церковь?

Перед нами стоит необходимость понимания самих задач церковного воспитания и образования подрастающего поколения, их форм и содержания, а также связи с церковной традицией и всем ценным, что имеется в современной педагогике. Традицию же в христианской педагогике нужно понимать не как повторение и воспроизведение старых, привычных форм учебного процесса, а как единение с Истиной, как рождение новых форм и методов образования, во времени соответствующих содержанию жизни Церкви. Язык Церкви христианским педагогом должен быть правильно услышан и переведен на язык времени. Что же для этого нужно?

Христианская педагогика - это, прежде всего, вопрошающий педагог. Его роль в деле воспитания личности определяется не тем, чтобы быть возделывателем детских душ, а соратником Бога, помощником Первого Педагога, слова и незримые действия Которого нужно улавливать и пытаться понять, совершая огромный труд вслушивания и созерцания.

Каждому педагогу очень важно понять самому, какой огромный педагогический потенциал сосредоточен в Священном Писании, понять, как к нему обращаться, решая простые и сложные вопросы воспитания, образования, просвещения наших детей, с которыми он сам столкнулся. Так мы сумеем понять и важность научения детей закону, и примеры того, как надо действовать в различных педагогических ситуациях, и, наконец, найти то, что можно и нужно читать вместе с детьми для их возрастания в духе и истине.

В послании к Тимофею апостол Павел пишет: "Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь. А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут утвердить тебя во спасении верою во Христа Иисуса. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности" (2 Тим. 3. 13-16). Ряд, который выстраивает апостол, можно считать определением педагогики. Он говорит о том, что на него нацелено все Писание. И мы действительно убеждаемся в этом, когда видим отношения Бога с Его народом как отношения Отца и детей. В Ветхом Завете Господь дает пребывающему в детском состоянии народу в начале пути Закон, сопровождая это событие самым необычным образом - громом, сильными эффектами, которые оказывают огромное впечатление, сохраняющееся на много поколений вперед. Можно рассматривать множество примеров обращения Бога с народом и обращения народа к Богу, и каждая такая ситуация будет для нас примером и назиданием. Так, например, во время сорокалетнего странствия по пустыне, когда народ божий в очередной раз возроптал, пресытившись манной и вспоминая котлы с мясом, разнобразную пищу, которую ел в Египте, Господь поступает удивительным образом. Он посылает им птиц, перепелов и в таком количестве, что народ, набросившись на это мясо, не зная меры, оказывается наказанным за свою неблагодарность и жадность. (Числ. 11). Это отношение Бога: "Пусть они едят это мясо, пока оно не пойдет у них из ноздрей" - означает не что иное, как "пусть они напишутся своей непокорностью, и эта непокорность обратится для них в не-благо". Подобные вещи случаются и с

детьми, и нам надо учиться строить свою педагогическую работу с учетом того, что в какие-то моменты ребенку придется ощутить боль, причиной которой была его непокорность, может, даже испытать страдание, как следствие греха, который есть в мире, - без чего он вряд ли чему научится в жизни. Наверное, не во всем и не настолько надо оберегать детей, чтобы превращать жизнь для них в некую оранжерею. Важно чувствовать ту меру свободы, которую можно и нужно допустить, но чтобы ребенок не погиб и не оказался безоружным при встрече со злом.

В Священном Писании Господь открывается своему народу постепенно - через Слово Божье, которое возвещают пророки. Это слово часто есть некая антиномия - своего рода полярные высказывания, которые помогают прийти к целостному пониманию и познанию Бога. Так, например, мы читаем слова о страхе Божьем: "Начало премудрости страх Господень" и в то же время слышим призыв не бояться. "Не бойся!", - говорит Господь через Моисея, Исайю, Осию... И эта антиномия - одно из оснований педагогики Божией, на котором должно строиться воспитание. Страх оскорбитель, обидеть, проявить непослушание и неуважение - с одной стороны, и доверие, открытость - с другой. Да, Господь грозен и строг, Он как огонь, но "не бойся" - Он тебя любит.

Если в Ветхом Завете Господь говорит народу как малым детям, которые еще не умеют различать добро и зло: "Делай так"; повзрослеешь, поймешь, почему лучше, чем "не так", то иная ситуация в Новом Завете. Господь Иисус Христос отказывается от знамений и внешних эффектов, призывая умом и верою доходить до Истины, ибо обращается уже не к младенцам, а ко взрослым. Не случайно, исцеляя кого-либо, Он обычно повелевает исцеленному никому об этом не говорить. Но и Новый Завет дает нам примеры педагогических действий Самого Спасителя. Достаточно посмотреть, как Христос обращается с грешниками, мытарями, т. е. с теми, кто вел себя совсем не так, как это заповедовалось. А именно такими часто и бывают наши дети! Он научает не впрямую, а говорит притчами, чтобы, с одной стороны, люди это услышали, а с другой - чтобы оставить их свободными. Как важно обрести необходимое внутреннее состояние, чтобы верно обращаться к ребенку, научать и исправлять его, не действуя при этом, что называется, "в лоб".

Апостол Павел проповедует благовестие любви Христовой, свободы Христовой. И он, обращаясь к своим духовным чадам, говорит удивительные слова: "Дети, будьте послушны родителям вашим во всем; ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали" (Кол. 3. 21). Часто первую и вторую половину цитат приводят отдельно, важно же рассматривать их вместе, чтобы назидать не только детей, но и назидаться самим. Для апостола эта мысль была, видимо, очень важной, ибо он повторяет еще раз: "Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе; ибо сего требует справедливость... И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем" (Еф. 6. 1-4). "Не раздражайте" - не значит лишь только "не давите, не будьте занудой". Ведь, если в нашей душе есть раздражение, то нет свободы и любви, а благовестие Христово без этого невозможно.

Заметим, что прежде - будь то в древности, или позже, в средние века - не было отдельной проблемы детей, проблемы молодежи. В ветхозаветном Израиле, например, дети не отделялись от всего народа. Их воспитывал весь строй жизни, среда, в которой они оказывались с рождения. Подобная картина складывалась и в ранней христианской церкви. Заметим, ведь Господь не дает специальной, отдельной молитвы для детей, молитва "Отче наш" - одна для всех, и для взрослых и для детей.

Бог изначально благословляет первых людей на продолжение рода: "Плодитесь

и размножайтесь!". После грехопадения это благословение остается в силе, и более того, когда в истории спасения является праведник, оно подтверждается. Когда человек знает об этом благословении, о том, что "наследие от Господа - дети", что "награда от Него - плод чрева", он естественно принимает рождающегося у него ребенка как дар Божий. За дар же естественно благодарить. И за дар надо нести ответственность. Наша ответственность за детей заключается не только в том, чтобы их накормить и одеть, к чему часто в современном мире и сводится вся забота о детях (ну, еще стали думать о приличном светском образовании, которое поможет потом в жизни "хорошо устроиться", о гармоничном воспитании, приобщении к культурным ценностям). Для нас, христиан, важно понимать, что главное - воспитывать ребенка в вере, передавать ему опыт жизни в присутствии Божиим, и мы отвечаем перед Богом именно за то, что мы для этого сделали или не сделали. Конечно, одному человеку это "не под силу". Но, если родители принимают на руки ребенка и благодарят прежде всего Бога: "Господи, Ты мне дал", может быть, с момента благодарения и начинается педагогика доверия и любви. Момент благодарения за все, что происходит с ребенком, есть тот импульс, та потенция, та творческая сила, которые позволяют это доверие сохранить, сохранить доверие родителей к Богу. И это рождает уже конкретные действия, поступки - как откровение великой педагогики Господа.

Во Второзаконии мы видим повеление Бога: "И да будут слова сии, которые Я заповедал тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогою, и ложась и вставая" (Втор. 6. 47). Это означает, что Закону надо учить детей 24 часа в сутки, что нет ни одной ситуации, которая не была бы таким научением.

Апостол Павел называет Закон "детоводителем ко Христу", "детоводителем" - т. е. Педагогом. Наверное, когда речь заходит о детях, о их христианском научении и воспитании, то можно утверждать, что "Закон" - это не только в узком смысле десять заповедей, декалог, под этим словом можно понимать все Писание. Что может быть очевиднее того, что Слово Божие необходимо детям, что оно нужно и самым маленьким, и тем более тем, кто стоит на пороге взрослой жизни, и утверждает в себе законы и правила, с которыми попытается устоять в этом мире, выверить свой

путь в нем. Это тот рубеж в детской жизни, на котором проходят проверку на истинность все наши родительские и педагогические усилия, испытывается на прочность и творческую гибкость духовный багаж ребенка. Конечно же, очень важным и значащим для него является личный пример и свидетельство жизнью близких людей. Для детского сознания понятие церкви наиболее адекватно собранию людей, живущих особой общей жизнью. Потому включенность детей в жизнь церковной общины, ее служения, обретение собственного места в этой жизни и собственного служения являются надежной опорой и помощью в этот период. Но он все равно остается трудным и для них и тем более для тех, кто к церковной жизни имеет косвенное отношение. Мир сей во все времена был агрессивен, и сегодняшнее время ставит свои особые сложные задачи перед родителями и педагогами в Церкви. Что поможет нашим детям выбрать Христа и Его Церковь, путь благодатный, но очень непростой в этом мире и для взрослого человека, тем более для ребенка? Только особое зрение и особое отношение к миру даст возможность человеку увидеть и избрать правильную дорогу. Ключом к ней могут служить слова ап. и ев. Иоанна: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную". В этой фразе заключены все главные слова: любовь Бога к миру, спасение этого мира бесконечно дорогой ценой, добровольная жертва Сына и вечная жизнь приобщенных верою к этой любви и этой жертве. Вот наша задача: возлюбить мир так, как возлюбил его Бог.

Господь, действующий в истории народов библейских книг, во все времена Тот же. И когда мы, читая Писание, чувствуем это всем своим сердцем, для нас становится возможным обратиться к нашим современным детям призывом Моисея: "Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими" и верить, что на них исполнится обетование Господа нашего Иисуса Христа: "кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к Нему и обитель у Него сотворим".

Маргарита БЕЛОТЕЛОВА
Доклад на международной конференции
«Пути просвещения и свидетели
правды: Личность. Семья. Общество»,
Киев, 31 августа – 5 сентября 2003г.

«ВЕРУЮЩИЙ В МЕНЯ ЕСЛИ И УМРЕТ, ОЖИВЕТ...»

1978 год был памятен двумя печальными датами: с разницей всего в 3 недели скончались два «человека Церкви» — архимандрит Таврион (13.08) и митрополит Никодим (5.09). Это дает некоторый повод говорить о них также одновременно. Сравнить их нелегко. «Вода и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой, как...» Первый — духовник, прозорливый старец, исповедник веры, много лет проводивший в лагерях и из-за этого категорически не допущенный властями к рукоположению в епископы, строгий монастырский подвижник, живший в отдаленном лесном монастырьке. Другой — «князь церкви», архипастырь, яркий церковный администратор и политик, известный во всем христианском мире, вступавший в рискованные контакты (а иногда и конфликты) с самыми одиозными светскими властями. И все же, оба они сознательно занимались одним — соби- ранием церкви. Каждый делал это по-своему, в соответствии со своими воз- можностями и со своим пониманием церковных задач и последовательности их реше- ния.

В гербе митрополита Никодима, созданном им самим, даже были слова: «Собрати расточенная» (строчка из известного всем ирмоса 9-й песни канона ко св. прича- щению). Он делал это, вызывая у одних шок, недовольство и даже гнев, а у других — и восторг, и почитание. Владыку просто боготворили его иподиаконы, многие семинаристы и студенты Духовной Академии (тогда Ленинградской) и молодые священники, которых он сам рукополагал, часто преодолевая ради этого сопротивление госчиновников. Больше всего митрополит Никодим делал ставку на новое монашество, в котором он хотел видеть прежде всего людей с высшим светским, а затем и духовным образованием. В «первой волне» его постриженников было несколько кандидатов физико-математических наук (впоследствии почти все стали священниками, некоторые архимандритами). Он активно выдвигал своих канди- датов на епископские должности и участвовал в их поставлении. Среди таких архиереев — нынешний патриарх Московский и всея Руси Алексий, митрополиты Ювеналий, Филарет и Кирилл, и многие другие.

С людьми близкими к нему вла- дыка вел себя запросто, смеял- ся, шутил. Из уст в уста пере- давался шуточный парафраз из- вестных слов Писания, обращен- ный им к одному из его ближай- ших сподвижников, молодому иеромонаху Симону Ишунину (ныне — архиепископ Брюссель- ский и Бельгийский): «Симоне Ишунин, любиши ли мя паче сих?». Он мог ходить по саду у здания академии, долго беседуя с каким-нибудь семинаристом. С его именем связана значитель- ная русификация богослужения в питерских храмах (чтение Писа- ния, канона св. Андрея Критско- го и др.), введение частого при- чащения, служение потрясшей многих древней литургии апосто- ла Иакова и др. Многих шокиро- вали католические подрясники студентов и белые воротнички («реверенты») священников, оде- ваемых под пиджак. Понятно, что традиционно-благочестивая Москва взирала на все это, мяг- ко говоря, без восторгов. Особен- но пугала его, действительно, западная по типу (Петровская, а кто-то считал — Николовская) решительность и быстрота дей- ствий, производимых практиче- ски всегда «сверху».

Митрополит Никодим (Ротов)

Особенно ошутимых результа- тов он добился в международных церковных делах. Созданный им ОВЦС стал фактически церковным «министерством иностранных дел». В СССР непрерывно ездили инославные и даже иррелигиозные делегации, наша церковь стала членом ВСЦ, духовные школы — членами СИНДЕСМОСа. В Академии учились представи- тели некоторых европейских церквей, темнокожие студенты из Азии и Африки (приехавших из Чада семинаристы, естественно, в шутку окрестили «исчадиями»). Греки именовались: «грехи наши»). Вся эта деятельность, по мысли владыки Ни- кодима, призвана была защитить церковь от агрессии государственного атеизма. Впрочем, не только, — он считал, что церковь вообще должна активно участво- вать в жизни общества, иметь в нем вес.

Конечно, духовник тихой латвийской пустыньки, да еще и бывший зек, не имел таких возможностей и не ставил таких задач. Но и его ругали, называя «католи- ком», ревнители не по разуму, — за то, что он вводил русификацию (а иногда просто русский язык) в богослужение, вставлял в окончание службы свои молитвы и призывал паломников причащаться каждый день (!). А кроме того, не гнал при- ходивших к нему католиков и протестантов и даже поставил в храме подаренные им деревянные скульптуры Агнца и Христа с избображением Его сердца. Народ же ехал в Преображенскую пустынь со всех концов страны: за советом, молитвен- ной помощью, за возможность быть на литургии, где «все причащаются, израют и поют...», в общем, — за преображением. При этом о. Таврион советовал другим священникам не стремиться охватить как можно больше людей, не разбрасы- ваться, а, по ап. Павлу, прежде всего собирать и учить людей, «способных и дру- гих научить».

Теперь, через четверть века после кончины двух этих выдающихся служителей Церкви, особенно отчетливо видно, что все, столь ярко сделанное владыкой Ни- кодимом, было бы довольно односторонним без светоносного служения как бы на другом «полюсе» церкви, о. Тавриона. И наоборот, не имела бы столь глубоких последствий проповедь о. Тавриона о «Чаше Христовой, которой мир стоит», без попыток владыки Никодима защитить церковь от опасностей извне и оживить при этом ее жизнь, особенно литургическую.

Александр Копировский

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Юрий Рубан.
Из «Записок семинариста»

«Брат Георгий, зайти ко мне вечером, надо поговорить». Такими словами, со- провождавшими неизменное архиерей- ское благословение, меня, скромного семинариста, когда-то приветствовал человек, которого мы уже при жизни называли «Великим». Это было давно — во дни моей туманной юности. Минули два десятилетия, но его слова по-прежне- му звучат во мне неизбывным носталь- гическим бредом, и я никогда не смогу смириться с тем, что больше не услышу их здесь, на земле, — ведь наши разгово- ры, на которые всегда недоставало вре- мени, так и не были закончены.

Мое знакомство с митрополитом Никодимом состоялось при обстоятель- ствах в высшей степени знаменательных, еще раз оправдавших его монашеское имя. Это было в августе 1972 года, когда я держал вступительные экзамены в Ле- нинградскую духовную семинарию. Про- шел еще один напряженный день, в одиннадцать часов вечера в спальнях комнатах семинарского общежития по- гас свет, и измученные ожиданием аби- туриенты остались в темноте со своими мыслями.

Хорошо помню свое изумление и страх, когда до меня, уже спавшего, до- шел смысл слов помощника инспекто- ра, стоявшего рядом с моей кроватью и теребившего мое плечо.

— «Вставай, тебя вызывает митропо- лит Никодим».

— Что происходит, который час? Нет, еще не утренний подъем, лишь только пробило полночь.

Вскочив и быстро одевшись, пытаюсь прояснить сознание холодной водой умывальника. Сон исчез, мгновенно побеж- денный страхом и растерянностью. Со- провождаемый сочувственными совета- ми и благопожеланиями проснувшихся сотоварищей, спускаюсь вниз по широ- кой лестнице на первый этаж. Пересе- каем вестибюль с плотно закрытыми на ночь дверями. Впереди — коридор мит- рополичьих покоев, со стен которого взирают, застыв на холстах с тяжелыми резными рамами, многочисленные Санкт-Петербургские-Петроградские-Ленинградские архиереи XVIII-XX сто- летий. Предпоследний в ряду — митро- полит Пимен (Извеков), тогда — патри- арх Московский и всея Руси. Последний — тот, кто ждет меня в кабинете и ожи- вет через несколько секунд.

Дверь кабинета — с левой стороны коридора. Напутствуемый помощником инспектора, вхожу в нее и замираю. Мяг- кий рабочий свет заливает квадратную комнату, полы которой скрывает огром- ный ковер. Стены уставлены полками с многочисленными книгами. Перед ико- ной Спасителя теплится лампада.

«Проходи, брат Юрий, не бойся», — звучит необыкновенно глубокий, чуть глуховатый голос. Человек с мудрыми, все понимающими глазами, легко под- нимается и обходит свой дубовый рез- ной стол. «Спаси Господи», — благослов- ляет он меня в ответ на мое робкое «Благословите, Владыко». — «Садись, по- говорим».

Уже тогда я сознавал, что происхо- дящее со мною принадлежит истории, но ничего не записал, и теперь, по про- шествии трех десятилетий, помню лишь общую атмосферу этой удивительной встречи и навсегда врезавшиеся в созна- ние отдельные фразы ночной беседы.

«Брат Юрий, твое святое имя — Ге- оргий»? — «Да, Владыко. Праздную День Ангела на Георгия Победоносца». — «Хо- рошо!» Так я стал «братом Георгием».

Разговор уже начался. Следуют обыч- ные для первого знакомства вопросы о

родителях, занятиях и интересах, о том, что привело меня сюда. Вскоре мы го- ворили как старые добрые знакомые, и мой страх исчез. С удивлением ощутив осевшее меня вдруг благодатное спо- койствие, вскоре понял его причину: это оттого, что сейчас от меня требуется лишь одно — быть самим собой, и имен- но этого ждет от меня удивительный че- ловек в простом черном подряснике, си- дящий за большим письменным столом, заваленным бумагами. Родившееся при первом знакомстве, это спокойствие бу- дет сопровождать и все наши последую- щие встречи.

Говорили мы тогда недолго. Влады- ка, желавший со мной познакомиться и понять «на что я могу пригодиться», быстро сделал для себя нужные выводы. Но ведь и свиток моей жизни, пред ним разворачивавшейся, был еще так коро- ток. Жизнь в «инженерно-технической» семье, школа, естественное увлечение физикой, мучительная борьба между ра- циональным и романтическим началом в душе, мечты о дальних путешествиях и занятия в яхт-клубе, любовь к Антич- ности и Средневековью, два семестра Автомобилестроительного факультета Тольяттинского политехнического ин- ститута и недолгая работа лаборантом в Институте нерудных материалов.

Хорошо запомнилось его радостно- благожелательное замечание: «Брат Ге- оргий! Да ведь мы с тобой во многом похожи, и жизнь свою начинали одина- ково. Я тоже после школы учился сна- чала в институте, — в Рязанском педаго- гическом; правда, немного дольше, чем ты в своем политехническом». Нужно ли говорить, с какой наивной юношеской гордостью воспринял я это сравнение?!

Вскоре последовало прощальное бла- гословение и я вернулся в темную спаль- ню. Судьба моя была решена.

Продолжавшиеся на протяжении шести лет, наши встречи не были — да и не могли быть — ни частыми, ни про- должительными.

Владыка часто уезжал — в Москву или за границу, — и в его митрополичьих по- коях, размещавшихся тогда в правом крыле здания Духовной Академии и се- минарии, воцарялась странная тишина. Возвращался же он обычно утром, мос- ковским скорым поездом № 1, и, без четверти девять, в сопровождении моло- дого иеромонаха Льва (Церпицкого), сво- его келейника, уже входил в Академию. Завтрак к тому времени как раз закан- чивался, и мы встречали его в вестибю- ле. Не было случая, чтобы этот человек с большим сердцем ушел, не благосло- вив последнего из встречающих, будь то преподаватель, семинарист или дворник. Тогда чаще всего и следовало это сакра- ментальное для меня приглашение про- должить ночную беседу.

Мы говорили с ним о многом, но, в основном, разумеется, о церковной ис- тории, древней и современной. После- дняя — особенно темна и загадочна, и во многом остается такой даже сегодня.

«Брат Георгий, скажи мне, не мудр- ствуя лукаво, что ты думаешь о том-то или о том-то». Эта приказка была у Вла- дыки любимой. Мне она сразу понрави- лась, и я часто с тех пор ее повторяю, с благодарностью воспринимая как про- щальный подарок. Многие из сказанно- го в те годы забылось, претворившись в тихо звучащий ритм, сопровождающий меня постоянно, а многое запомнилось навсегда и уйдет со мной в Вечность.

Митрополит Никодим говорил со мной, как с равным, и это не было на- рочитым «опрошением» взрослого, пы- тающегося говорить с младенцем на его

языке. Он слушал, спрашивал и отвечал, соглашался и не соглашался, спорил и мягко возражал. Владыка был неизменно корректен и серьезен, даже когда я говорил явные глупости, впрочем, для провинциального юноши извинительные.

Помнится, мне пришлось сетовать на «неразумное» использование людей, выказывающих явные способности к научным занятиям. Часто бывало, что человек, оставленный по окончании Духовной Академии «профессорским стипендиатом», для подготовки к преподавательской деятельности, очень скоро начинал надолго исчезать, а то и исчезал навсегда. Он ездил по всему миру и выступал с докладами на бесконечных тогда конференциях по проблемам «миротворчества», «разоружения» или чего-то аналогичного, явно не имеющего отношения к церковной науке, или же назначался представителем во Всемирный Совет Церквей. Это означало начало карьеры «церковного политика», но полный крах так и не начавшейся карьеры преподавателя и ученого богослова.

Выслушав, Владыка кивнул головой, как бы в знак согласия, затем немного помолчал и, наклонившись ко мне, доверительно шепнул: «Знаешь, брат Георгий, если бы они там не ездили и не выступали, мы бы с тобой здесь не сидели и не говорили». Мне стало стыдно, и к этой теме мы больше не возвращались.

Тогда я был одержим идеей «внести нечто новое в церковноисторическую науку» и бредил именем Василия Васильевича Болотова (1853-1900), великого филолога-ориенталиста и историка Церкви. По своему научному потенциалу он не уступал «самоу» Борису Александровичу Тураеву, академику и профессору нашего Санкт-Петербургского университета, но оставался скромным профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии. Его великолепные «Лекции по истории Древней Церкви» и другие работы были моими настольными книгами. Ничего подобного с тех пор не появлялось и, боюсь, уже не появится.

Вполне понятно, что учились мы в основном по дореволюционным учебникам. Новые машинописные конспекты лекций наших преподавателей, которые они имели обыкновенно заботливо читать нам вслух на уроках (иногда совершенно усыпляя), были лишь упрощенными и компилятивными вариантами все тех же старых добрых семинарских или академических курсов. О самостоятельной научной работе, особенно источниковедческой, говорить не приходилось. Эта беспомощность выглядела особенно удручающе на фоне достигнутого учеными дореволюционной духовной школы.

«Владыко, неужели у нас никогда больше не будет Болотовых?!», — горестно спросил я однажды. — «А вот ты, брат Георгий, возьми и стань нашим Болотовым. Я благословляю тебя на это!», — прозвучал неожиданный ответ митрополита Никодима.

Невыносимым укором звучат с тех пор эти слова мне, рабу лукавому и ленивому, особенно — в День Ангела Василия Васильевича (1/14 января), когда в полном одиночестве стою каждый год у его заснеженной могилы. «Поминайте наставников ваших...» А что же его преемники по славной кафедре? — мелькает иногда вопрос, и сразу вспоминаются мудрые и немного насмешливые глаза покойного Владыки: «Ты по-прежнему наивен, брат Георгий!»

«Эпоха митрополита Никодима» сошла с «Эпохой экуменизма», точнее сказать, — во многом была им же самим сформирована и определена. Бог знает, какие ассоциации вызывает понятие «экуменизм» у малообразованных христиан, особенно у тех «ревнителей правосерия», которые в простоте душевной полагают его коварным изобретением XX столетия. Увы! Греческое слово «экумена» (в древнем произношении «ойкумена») означает обитаемую землю, мир, вселенную, и первое описание экумены находим уже у греческого историка Гекатея Милетского (ок. 546-480 до н. э.).

Замечательно, что это античное понятие «вселенной» вскоре приобрело

культурно-политический, а затем и религиозный характер. Границы экумены совпадают сначала с границами Македонской, затем Римской империи. Императоры стремительно сокращавшейся в своих размерах Восточной Римской (названной итальянскими гуманистами «Византийской») империи упорно имевали свою державу «вселенской», а патриарх Константинопольский, гордо титуловавшийся «экуменическим» («вселенским»), удерживает этот титул и сейчас, будучи реально лишь епископом Стамбульским и турецким подданным! Ведь Константинополь — и Византийская империя — не значатся на карте мира с 1453 года. Этот архаический имперский византизм умиротелен и трагикомичен, но исторически вполне объясним.

Христианство по природе своей экуменично. «И проповедана будет Радостная Весть о Царстве (Божием) по всей экумене... Идите по всему свету и проповедуйте Радостную Весть (Евангелие) всем людям», — заповедует Христос апостолам. Как о самом важном, молится Он Отцу о нашем единстве в последние часы земной жизни: «Я прошу и за тех, кто поверил в Меня... Пусть же все они будут едины...» (Матфей 24:14; Марк 16:15).

Апостол Павел, чьи миссионерские путешествия охватили почти всю Римскую экумену, поневоле должен был стать первым «экуменическим деятелем» в современном смысле. Узость мышления и душевное мешанство в равной степени присущи как его, так и нашим современникам. «Стало мне известно о вас, братья мои, что между вами есть споры, ...что у вас говорят: «Я — Павлов, я — Аполлонов, я — Кифин, а я — Христов». Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? Или во имя Павла вы крестились?», — резко выговаривал он христианам греческого Коринфа.

Противники христианства называли апостола Павла и его спутников «экуменическими возмутителями» (Деяния Апостолов 17:6). Напротив, Христианская Церковь полагает высшей честью для епископа (как преемника апостолов) быть удостоенным почетного титула «экуменического учителя», и под 30 января (12 февраля) в православном Месаселове значится даже особый праздник — «Собор экуменических (вселенских) учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста»!

История безжалостно зафиксировала факт духовной деградации раннехристианских общин, упорно отрицавших греко-римскую культуру, — то есть попросту не желавших становиться «экуменическими!» Таковыми были консервативные иудео-христианские секты, исчезнувшие к V веку. Таковыми же, в плане религиозного менталитета, являются и наши старообрядцы, особенно «беспоповского толка». Их чудовищное самомнение выражено в анекдотической уверенности каждой деревенской общины в том, что именно она является хранителем «истинного правоверия» и в злобной радости по поводу адских мучений, будто бы уготованных всему остальному человечеству. Это просто болезнь или, на языке аскетизма, «прелесть бесовская». Печально, что эти антихристианские чувства, присущие сознанию ущербному, находят место и среди других людей, дерзающих называть себя «православными христианами».

Вряд ли кто-то сомневается в православии каппадокийских святителей. Но вспомним, что св. Василий Великий всю жизнь состоял в дружеской переписке со своим учителем ритором Либанием, убежденным язычником, а ученому софисту Леонтию посылал на рецензию свои догматические трактаты. И это не исключение, но норма поведения истинно образованного и интеллигентного человека.

Здесь уже речь идет об «экуменизме» в самом широком смысле этого слова (не только о межхристианском), — об умении жить в мире со всеми людьми нашей маленькой и хрупкой вселенной. Можно в чем-то не соглашаться с окружающими, считая их неправыми, можно — и нужно! — в определенной ситуации с ними спорить, — ведь «спорящими» являются уже не враги, но друзья, ищущие понять друг друга, и, более того, бра-

тья о Господе» (о. Сергей Булгаков). Нельзя лишь считать себя «хранителем истины в последней инстанции», считая этих «других» ниже себя и отказывая им в праве на существование. «Враждовать с людьми из-за их теоретических заблуждений — значит давать себе аттестат слишком малого ума, слишком слабой веры и слишком дрянного сердца» (Владимир Соловьев).

Именно таким — исполненным любви и терпения, мудрого исторического такта и стремления к взаимопониманию между всеми людьми — был экуменизм митрополита Никодима. Это экуменизм Иисуса Христа, апостола Павла, Древней Церкви и ее Великих святых отцов.

Хорошо запомнился тот прозрачный солнечный день 5 сентября 1978 года, — один из грустных и прощальных, скользких в бездонную пропасть петербургской осени дней, — когда с какой-то безотчетной тревогой я сидел в приемной ректора нашей Духовной Академии архиепископа Кирилла (Гундяева). «Испытав судьбы удары», я хорошо понимал, что помочь мне может только митрополит Никодим, скорого возвращения которого из Рима ждали многие.

Внезапно в приемной появился нервный в движениях иеромонах Маркелл (Ветров) и скрылся в кабинете. Вскоре дверь вновь отворилась, и озабоченное и одновременно отсутствующее лицо ректора, почти на бегу заглянувшего в канцелярию и проследовавшего в свои покои, обозначило окончание приема. Ждать более не имело смысла, и я поехал домой. Прошло не более получаса.

Дома меня встретил брат (мы жили тогда вместе) и, растерянно и недоуменно, как бы сомневаясь в правдивости собственных слов, сказал: «Только что звонили из Духовной Академии. В Риме скончался митрополит Никодим, а сейчас в Свято-Троицком соборе служится по нему панихида».

Невозможно выразить охватившие меня чувства. Помню лишь ощущение мореплавателя, внезапно лишившегося своего опытного капитана, и теперь вынужденного выйти из гавани в бурное море, без надежды преодолеть его. Наступила странная тишина, как после шторма, сорвавшего паруса и унесшего рухнувшие мачты. Все хлопоты и надежды остались за спиной. Пришли холодная ясность и спокойствие, — аристократическое спокойствие осужденного, которому более нечего бояться. Завершилась целая историческая эпоха, участником которой посчастливилось быть и мне. «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые...»

Митрополит Никодим был святым Василием Великим нашего времени. Осознание знаменательного родства судеб этих двух архипастырей, один из которых в течение восьми лет возглавлял Церковь Каппадокии, важной провинции Римской империи на территории Малой Азии, — а другой завершил свою жизнь после пятнадцатилетнего пребывания на Санкт-Петербургской (тогда еще Ленинградской) кафедре, пришло рано. Но я не мог — и не хотел! — предполагать, что русский митрополит повторит путь архиепископа Кесарии Каппадокийской вплоть до последней — в буквальном смысле — ужасающей подробности.

Святой Василий Великий посвятил себя борьбе за единство Церкви, жизни которой в его бурное время арианских споров «дробилась на множество мелких ручейков» (В. Болотов), — и он вынес это единство на своих плечах. Ноша была почти непосильна, и Василий умер 1 января 379 года, в возрасте сорока девяти лет. В год его смерти церковное общение арианствующего Востока с православным Западом стало свершившимся фактом.

Жизнь митрополита Никодима была посвящена борьбе за то же единство и, главное, — за выход Русской Церкви из изоляции, — изоляции внешней и изоляции внутренней. (Последнее, как показывает печальный и даже позорный — особенно для нашей митрополии! — опыт церковной жизни последних лет в условиях политической свободы, — самое трудное). Он умер в Вечном Городе, во время разговора с вновь избранным папой Римским Иоанном-Павлом I. Через месяц митрополиту Никодиму должно было исполниться сорок девять лет.

Навсегда запомнилось пасхальное поздравление 1978 года, на второй или третий день Пасхи, случившейся в тот год поздно, — 30 апреля (по новому стилю).

Митрополит Никодим встречал преподавателей и студентов, сидя в высоком кресле у окна, близ большой иконы Спасителя. Это было в приемной рядом с его Крестовой церковью, недалеко от кабинета, где шестью годами ранее состоялась ночная беседа. Он выглядел особенно усталым и задумчивым, даже каким-то величественно отстраненным, словно бы заранее прощаясь с многими из нас в последнюю для него Пасху на земле.

«Христос воскрес, Владыко!» — «В истину воскрес! Спаси Господи, брат Георгий!», — отвечивал мне Владыка, вручая пасхальное расписное яйцо. Круг замкнулся: его последние слова, ко мне обращенные, совпали с первыми, только теперь он напомнил мне еще и о Воскресении, после которого мы уже не будем расставаться. Знакомство ночью и прощание в сияющий день Светлой Седмицы не были случайными.

Благословляя находившегося впереди меня студента, митрополит взглянул на него с некоторым недоумением, чуть-чуть помедлил, силась что-то припомнить, но ничего, кроме обычного пасхального приветствия, не произнес. Он знал в лицо почти всех, но подошедший к нему был не семинарист, а студент Университета и мой брат. Пусть же впервые переведенные им на русский язык стихотворным размером скорбные элегии на смерть Василия Великого лягут скромными лепестками цветов благодарной памяти на могилу ждущего своего церковного прославления Никодима Великого.

СВ. ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

ЭЛЕГИИ НА СМЕРТЬ СЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО, АРХИЕПИСКОПА КЕСАРИИ КАППАДОКИЙСКОЙ

2
Тело, я прежде считал, без души сможет
жить, о Василий,
Друг мой, служитель Христа, только не я
без тебя.
Я перенес твою смерть - и живу. Для
чего? Вознеси же
Ты в небеса и меня, в хоры блаженных к
себе.
Не забывай меня! Я, гроб свидетель, тебя
не забуду,
Если бы даже хотел. Клятва Григория в
том.

3
Сразу, лишь мудрого в Боге Василия душу
унесит
Троица, он же с земли радостно к Ней
поспешил.
Воинство все в небесах взликовало,
встречая пришельца,
Каппадокийцев же весь город оплакал его;
Даже Вселенная вопль испустила: «Умер
глашатай,
Скрепя погибла навек славного мира с
тобой».

5
Бог Вседержитель Един; и один архипас-
тырь достойный, -
Тот, кого видел наш век, - ты, о Василий,
из всех:
Истины громкозвучающий посланец,
сияющий светоч
Люда Христова, красой светозарящий
души,
Понта и каппадокийцев великая слава. И
ныне
Я умоляю: и впредь жертвы за мир
приноси.

9
О кесарийцев великая слава! Пресветлый
Василий!
Грома удар - твоя речь, молния - жизнь на
земле.
Все же священный престол ты покинул.
Христово желание
Это: скорее сопречь с Царства сынами
тебя.

(Перевод А. Рубана)

СЕЙЧАС НИКТО НЕ ЗАДАЕТ ВОПРОСОВ

Интервью с протоиереем Павлом Адельгеймом

"Кифа": Тот диалог, о котором мы собираемся говорить в этом году, требует какого-то центра, который собирал бы живые, настроенные на диалог силы в церкви. Каким Вы себе его представляете?

Отец Павел: У вас такой центр имеется... Собираются живые силы: люди, которым, во-первых, есть что сказать, во-вторых, они чувствуют в этом необходимость и, в-третьих, они хотели бы иметь поддержку, как сказал сегодня Юрский, потому что осознают свою недостаточность.

"Кифа": Как Вам кажется, могла ли бы сфера этого обсуждения коснуться вопросов, самых кардинальных сейчас в жизни церкви, условно говоря, тех, которые могли бы стать повесткой Поместного собора, если бы таковой собрался у нас?

Отец Павел: Конечно. Для этого и стоит собираться.

"Кифа": И что бы Вы включили в круг таких вопросов прежде всего?

Отец Павел: Мой доклад о том, что диалог требует некоторых условий. Наша церковная обстановка не оставляет места для диалога: нет форумов, на которых могли бы встречаться епископы, клирики и миряне. Нет свободы для выражения независимого суждения. И есть уверенность в своей самодостаточности. Юрский привел пример: солдат и генерал, епископ и священник разделены иерархической дистанцией. Прежде было не так... Господь Иисус Христос не гнушался общением с мытарями и блудницами. В дни моей молодости можно было прийти к правящему епископу как другу и с ним разговаривать на человеческом языке: владыка Ермоген (Голубев) или Гавриил (Огородников), владыка Варфоломей, в Риге владыка Леонид... Мы могли сидеть, пить чай, что-то обсуждать. В новых условиях это невозможно. Разговор возможен с епархиальным кладовщиком, сторожем, с другим священником при случайной встрече. Разговор с правящим архиереем носит ритуальный характер. Опасно выходить за его пределы. Слишком неравные условия. Выскажешь своё мнение и потеряешь приход.

"Кифа": А не может ли начать возрождаться диалог на уровне общения между священником и прихожанами?

Отец Павел: В приходе диалог ограничен. Чаще всего беседа возникает при освящении жилища прихожан. Обсуждение касается практических вопросов. За богослужением возможно общение в молитве и проповеди. Дополнительно я провожу библейские чтения каждый вторник. Эти чтения имеют задачу сблизить священника с прихожанами. Я полагал, что возможность

спрашивать будет формировать круг церковных интересов. Для того, чтобы эти вопросы возникли, мы читаем несколько глав из Библии, потом я предлагаю задавать вопросы. Иногда вопросы возникают, и получается интересная беседа. Если вопросов нет, читаем святоотеческую литературу, Льюиса, слушаем видеозаписи митр. Антония (Блюма). Народу приходит мало. Посещаемость библейских встреч падает. Постоянных участников не больше десяти.

"Кифа": То, что с вопроса-ми стало труднее — это заметили и мы. Дело в том, что, видимо, что-то меняется в обще-

Протоиерей Павел Адельгейм

и священник Михаил Шполянский

стве, в сознании людей. Они, действительно, меньше настроены на диалог, больше — на обмен информацией, о чем говорил сейчас Юрский. Но тем не менее, у нас есть многолетний опыт, когда люди приходят, кто-то из них, может быть, и уходят, но все-таки они остаются, они живут вместе, они задают вопросы в том числе и друг другу, продолжают жить в этой общине.

Отец Павел: У вас феномен. Я не понимаю, как достигается систематичность общения, даже учитывая вашу огласительную практику. Это уникальное явление в церкви. Когда я был моложе, пытался заниматься огласительной практикой, но спроса на неё не было. Нет его и теперь. Раньше легко завязывались диалоги в поездках: Когда ездил в Петербург или в Москву, спутники обращали внимание на мою рясю, расспрашивали почему я верю в Бога, почему стал священником. Сейчас никто не задает вопросов. Пассажиры занимаются своими делами: пьют чай, читают газету, перебросившись несколькими фразами, ложатся спать. Интерес к общению уходит из нашего быта.

"Кифа": Вы в первый раз на нашей конференции. Уже есть, наверное, какие-то впечатления, ожидания. Сначала о впечатлениях от конференции, от общения здесь, а затем об ожиданиях. Ждете ли Вы каких-то практических результатов или больше осмысления проблем?

Отец Михаил: Во-первых, при всех самых благих ожиданиях потрясен атмосферой конференции, потрясен уровнем не столько докладов, сколько уровнем общения, отношения и понимания проблемы. Хотя и доклады очень интересные. Но тема, на мой взгляд, настолько сложная, что какие-то открытия непросто сделать, хотя, скажем, концептуальный доклад Струве помог мне многое понять и переосмыслить. Но еще раз говорю, что более чем доклады, на меня произвела впечатление обстановка конферен-

что происходит нечто подобное тому, как из-под асфальта рождается трава там, где никак и никогда не ожидаешь оживотворения (потому что понятно, что такое окаменение), ощущение тех перемен, которые и являются свойством жизни. И эти перемены — они ощутимы в каких-то каждодневных отношениях между людьми, а не в ярких событиях. В том понимании ситуации, которое видно буквально на уровне быта, понимании того, что то, что мы имеем на сегодняшний день — это не только не является полнотой жизни церкви (это, наверное, все понимают), а то, что движение к Богу требует жизненного поворота. И вот это понимание возникает в самых неожиданных местах: в сельских приходах, глубинках, куда не доходят "новые веяния", а где именно изнутри рождается ощущение этой новой жизни и необходимость этой новой жизни. Вот это самое главное и самое важное. У меня такое ощущение, что, несмотря на полное окаменение жизни в советском государстве к концу прошлого века — в 60-ые, 70-ые, 80-ые годы, когда окаменение в своей твердости была неизбежна вдруг где-то "на уровне инфразвука" что-то началось, еще непонятно что, и этот инфразвук камень раздробил и все посыпалось и родилось нечто новое — в чем-то прекрасное, в чем-то далекое от наших ожиданий, но новая жизнь родилась, и это прекрасно.

"Кифа": Здесь важна и наша ответственность, которую мы обычно не проявляем, но все-таки можем проявить, если захотим.

Отец Михаил: Наверное, для того, чтобы ответственность была реальным участием в рождении этой новой жизни, нужно, в частности, то, что происходит сейчас здесь на конференции, чтобы внутренне осознать куда, для чего мы идем. Это поможет нам многое уяснить, выбрать позицию, которая поможет нам не потеряться и не растеряться в будущем обвале жизни, грядущей весне. Она поможет нам остаться верными тому выбору, который изначально сделан и не подложит пересмотру и в то же время в этот выбор вдохнуть новую жизнь, новые силы.

"Кифа": Для нас очень важно было услышать Ваши слова о необходимости собирания этих живых сил, общения между ними и обретения центра этого общения. Как Вам кажется, могла ли бы найтись какая-нибудь площадка для обсуждения тех проблем, которые люди уже ощущают, но которые они обсуждают как бы только в "кухонных разговорах" — если продолжить эту аналогию с советским периодом, когда усилие "жить не по лжи" жило прежде всего "на кухнях".

Отец Михаил: Оно и сейчас живет на кухнях и аналог с советским периодом тут очень уместен. С кухни, оказывается,

можно очень широко развернуться. Но я думаю, что ничто не является в регламентированных узких рамках. Жизнь во Христе — это, прежде всего, жизнь, а она не регламентируема, она живет, а не сооружается. Поэтому здесь возможно самое широкое многообразие. Это многообразие я вижу и в той жизни, которая происходит в Свято-Филаретовском институте, и в братствах, и в общинах, с которыми я здесь познакомился. Для меня это удивительное открытие, потому что я, ранее не сталкиваясь с этим движением думал в результате той идеологизированной атмосферы, той кампании, которая вокруг этого создавалась, что это нечто, может быть, либеральное, но в то же время крайне авторитарное. Такой парадокс: либеральный авторитаризм. И меня поразило, можно даже сказать, восхитило то, что как раз авторитаризма здесь снизу доверху я не встретил нигде. Это то, что очень нужно церкви, потому что в том балансе свободы и структурности, которая должна быть, свобода полностью утеряна, а структурность превратилась в самодовлеющую ценность. А ведь все перекошенное становится уродливым...

Дай Бог! Я знаю, что это движение расширяется далеко за пределы площадки, которую мы можем назвать Москвой, и, наверное, это площадка не только географическая, но духовная. Разным людям нужны разные возможности, разные площадки для созидания этого Нового нечто. Я вчера упомянул о том, что для меня, как человека, живущего в глубинке, очень важна идея об объединении всех ищущих обновления именно в том лучшем понимании, в каком обновление благочестивого иудаизма произошло во время Христа.

В практическом ключе это, например, может осуществляться и через интернет, может быть, через что-то еще более доступное, потому что у меня, например, есть возможность электронной почты, а интернета нет. Таким путем неожиданно в последние десятилетия стало возможным установление связи, общения, которое в то время было раздроблено, разорвано и почти что раздавлено (как Юрский говорил, из кухни вышли — никуда не пришли). Для меня так называемые виртуальные возможности ощущаются как необыкновенно реальные, жизненные возможности, я пережил это сам в самых трудных обстоятельствах жизни. Быть в общении, в единении с близкими людьми, находящимися в любой точке мира... При умножении таких возможностей мы можем как бы "переплестись" и образовать такую "крепкую веревку". Пока это отдельные веревочки, на них поди удержишься, а когда это станет полем, площадкой с нее можно уже прыгнуть.

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38), в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул. Никольская, д.6), в книжном киоске первого гудка МГУ
В Санкт-Петербурге: в магазине "Слово" (Малая Конюшенная, 9)

Телефоны распространителей:

Москва: 3142596 (Александра Ошарина), 1314769 (Ольга Филиппова), 2107006 (Ольга Орлова), 1589116 (Валерия Волкова), 3426306 (Марина Чиркова), 9935255 доб.22, 7427807 (Дмитрий Шаповалов)
Санкт-Петербург: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная)
Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Чеботарева
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Марсеев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.